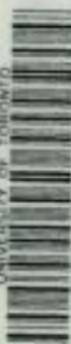

UNIVERSITY OF TORONTO

3 1761 00322725 3

PG

3453

B2

1914a

t.8

16

1

This is an authorized facsimile of the original book, and was produced in 1972 by microfilm-xerography by University Microfilms, A Xerox Company, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

Bal'mont, Konstantin & ni'kovich.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОВЪ

Т. 8

Томъ Восьмой =====

Зеленый Вертоградъ

Изданіе ^{№ 2} второе =====

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„СКОРПИОНЪ“ 1911 =====

Ст. Вильгельмский. Собрание сочинений.

Книга I. Номо Саріенъ. Романъ въ 3 частяхъ. Пер. М. Семенова. Изд. 2-е. М. 1904 г. Обложка Н. Теофилактова. Ц. 2 р. 40 к.

Книга II. Про дотомеа. De profundis. У Моря. Сыны Земли. (Романъ въ 3 ч.) и др. Пер. М. Семенова, Е. Троповскаго и С. Полкова М. 1905 г. Обложка Е. Надельмана. Ц. 2 р. 40 к.

Книга III. Дѣти Сатаны. Романъ въ 4 ч. Обложка Н. Теофилактова. М. 1906. Ц. 1 р. 30 к.

Книга IV. Зауконоюная месса. Въ часъ чуда. Городъ смерти. Поэмы въ прозѣ. Пер. М. Семенова и Е. Троповскаго. Обложка Филуса. М. 1908. Ц. 1 р.

Книга V. Статьи. Печатаются.

Ст. Вильгельмский. Сыны Земли. Романъ. Пер. Е. Троповскаго. М. 1905 г. Ц. 50 к.

Ведеръ Сологубъ. Жало Смерти. (Шесть рассказовъ). М. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

III. ДРАМЫ.

Габриэль д'Анжуадо. Трагедія. „Мертвый городъ“, „Дюк-копда“, „Слава“. Переводъ съ итальянскаго Ю. Валтрушайтиса. М. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.

Эмиль Верхарнъ. Елена Спартанская. Трагедія. Единственный авторизованный переводъ съ рукописи Валерія Брюсова. М. 1900. Ц. 80 к.

Кюгъ Галунъ. Драма жизни. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полкова. Изд. 3-е. М. 1907 г. Ц. 50 коп.

Л. Энольева-Аннебалъ. Кольца. Драма въ 3-хъ дѣйств. Предисл. Вячеслава Иванова. Обложка Н. Теофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. 80 к.

Э. Крескенъ. Небожественная комедія. Переводъ А. Куренинскаго. Изд. 2-е. М. 1906. Ц. 60 к.

Шарль ванъ-Лербергъ. Паянъ. Они почувли. М-11е Коси-Съво. Переводъ С. А. Полкова. Съ иллюстраціями Н. Теофилактова. М. 1908. Ц. 1 р.

Шарль ванъ-Лербергъ. Они почувли. М-11е Коси-Съво. Переводъ С. А. Полкова. Ц. 40 к.

Ст. Вильгельмский. Вѣчная сказка. Пер. Е. Троповскаго. М. 1907. Ц. 1 р.

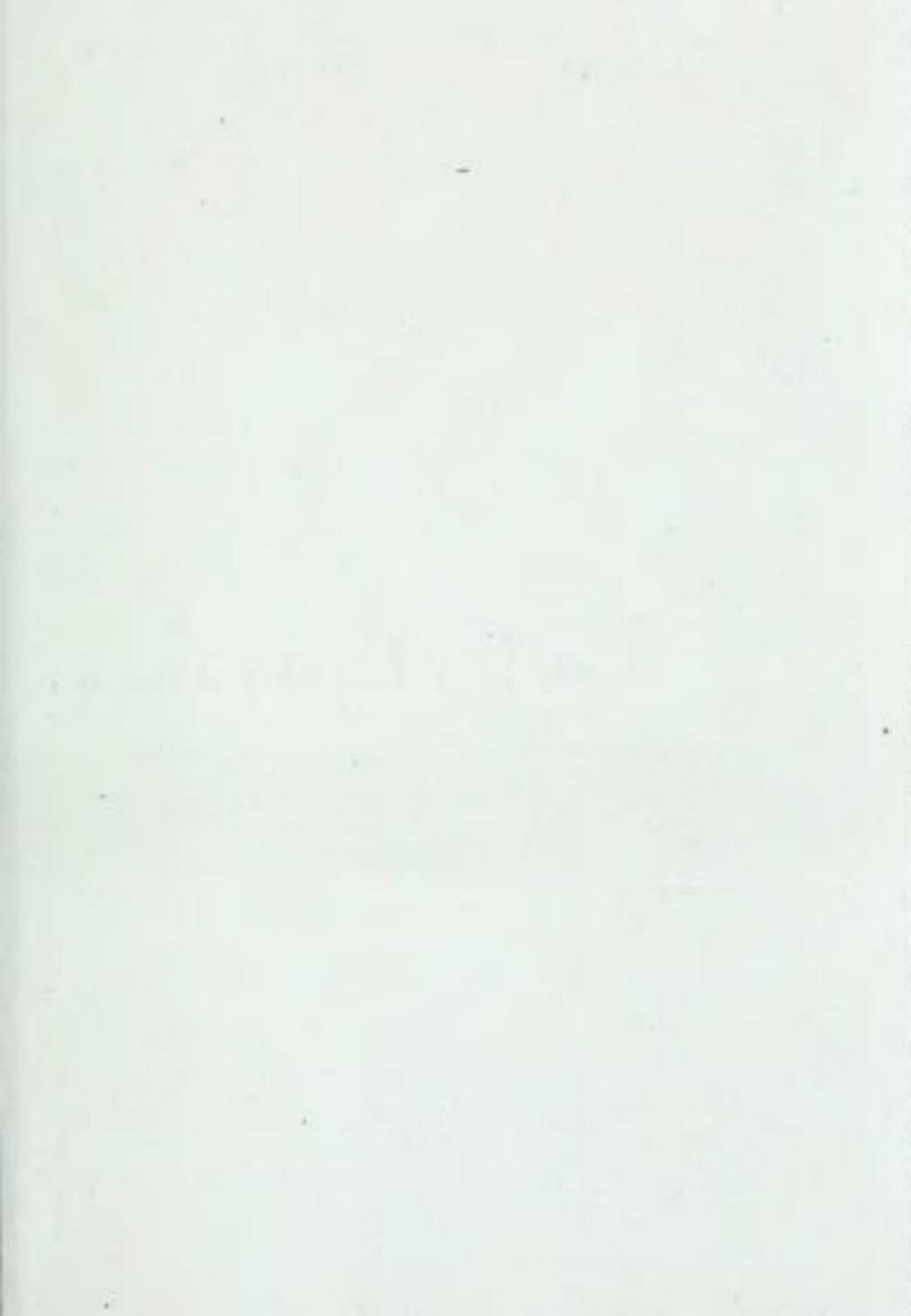
169
K778
844
1558320

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

01715257

Зеленый Вертоградъ

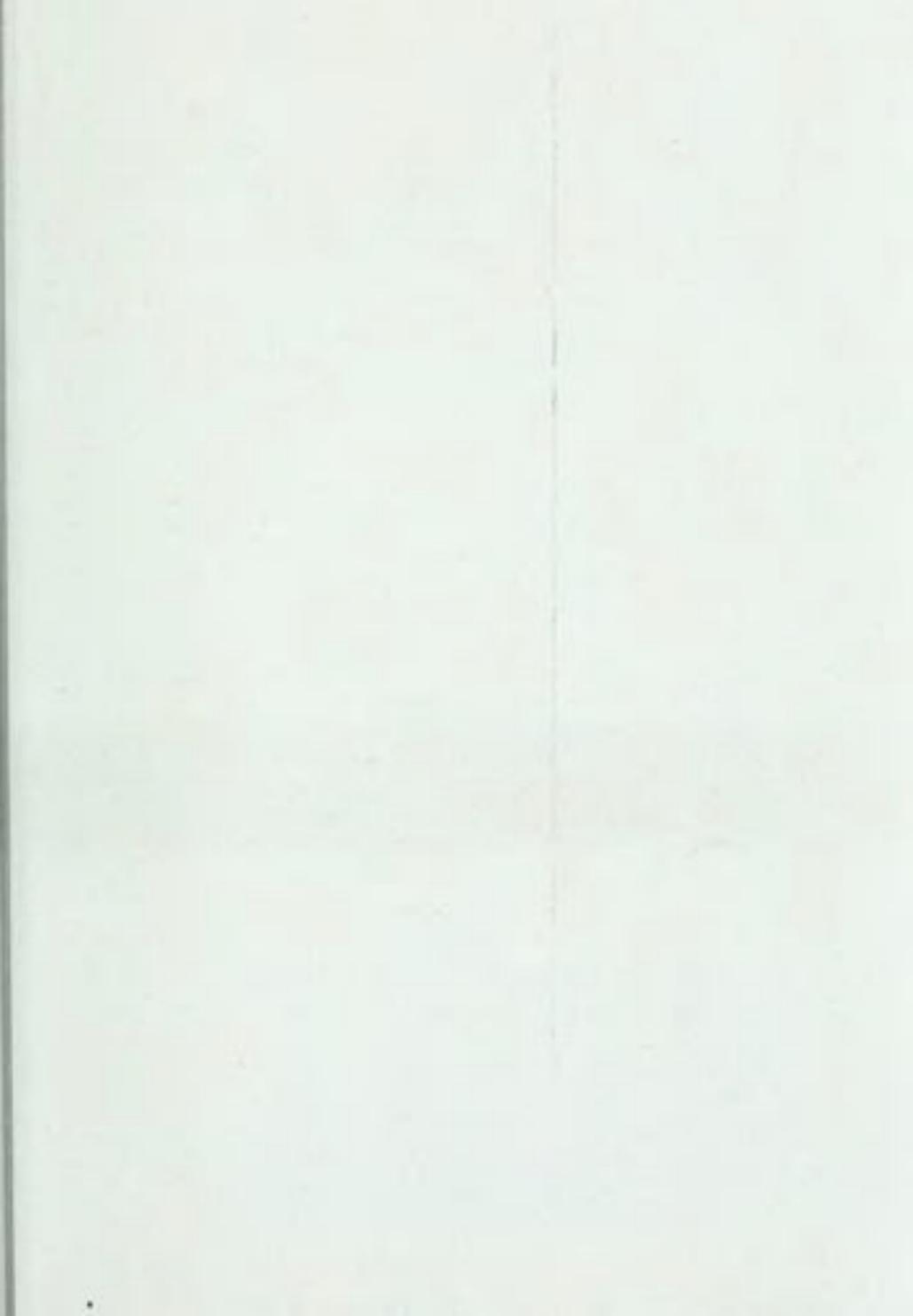
СЛОВА ПОЦЪЛУЙНЫЯ

Онъ по саду гулять, въ свои гусли играть.
Я люблю! Я люблю!

Звонко въ гусли играть, царски пѣсни распѣвать.
Я люблю! Я люблю!

Журчанье Вѣликаго Голубя.

КОРМЩИКЪ.

- Кто ты?—Кормщикъ корабля.
- Гдѣ корабль твой?—Вся Земля.
- Вѣрный руль твой?—Въ сердцѣ, адѣсь.
- Сине Море?—Разумъ весь.
- Весь? Добро и рядомъ Зло?
- Сильно каждое весло.
- Пристань?—Сонь.—Маякъ?—Мечта.
- Достиженце?—Полнота.
- Полноводье, а затѣмъ?
- Ширь пустынь—усллада всѣмъ.
- Сладость, сонъ, а наяву?
- Въ безогляности—плыву.

ВТАЙ-РѢКА.

Изъ глубокаго колодца, изъ-подъ той крутой горы,
Гдѣ глѣба не строитъ птица, гдѣ не строитъ звѣрь норы,
Протекла полноводно, и течеть, поетъ вѣка,
Непослушная, живая, влага-пламя, Втай-Рѣка.

Тамъ на днѣ—лишь бѣлый сахаръ, азы бархатъ, жемчуга,
Изъ глазастыхъ изумрудовъ расписные берега,
А порой, за крутизнами, поровнѣ бережки,
На отлогостяхъ сверкаютъ желто-рѣчные пески.

Отъ Востока до Заката Втай-Рѣки идетъ дѣнна,
 Отъ холодныхъ странъ до жаркихъ растянулась ширина,
 Глубину никто не знаетъ, вѣмѣрали мудрецы,
 Опускали въ воду тяжесть, потеряли всё концы.

А и что-жь намъ видать тайны — тихъ, кто хочетъ тайну скрыть
 Втай-Рѣка не съ мудрецами, хочетъ съ сердцемъ говорить,
 Прокатилась и вселилась въ полновзвучныя сердца,
 Изъ глубокаго колодца, безъ начала и конца.

ШАТЬ-РѢКА.

Ужь и что и вамъ, братья, сегодня реку:
 Не ходите вы, братья, на Шать-Рѣку.
 Глубока та Рѣка шатоватая,
 Шутовата она, вороватая.
 И спиваетъ она съ ума-разума,
 Подойдешь къ ней, — судьба твоя сказана.
 Подойдешь, изовьешь, зататаешься,
 По прибрежной глуши нагуляешься.
 Оцымивъгъ она выбью глубокою,
 Завлечетъ шелестящей осокою.
 Не ходите вы къ ней, не плывайтесь вы ей,
 А ужь если пошелъ, такъ себя не жалей.
 Загляни, потони, значить такъ суждено,
 Не видать съ береговъ, что скрываетъ тамъ дно.

ТЪНЬ-РѢКА.

Подъ густыми подъ кустами протекаетъ Тѣнь-Рѣка,
 Ты побудь надъ ней ночами, въ часъ какъ тають облака,
 Загляни въ нее очами, — въ чемъ, спроси, твоя тоска.

Оттого ль, что вотъ, взглянувши, ты увидѣлъ свой двойникъ?
 Оттого ль, что птица ночи, промелькнувъ, послала крикъ?
 Оттого ли плачутъ очи, что, дрожа, шуршитъ тростникъ?

Отодвинулся,—отраженье отодвинулось въ водѣ,
 Спрокнишься,—и стремленье не къ водѣ ушло, къ звѣздѣ,
 Разуви́рся,—птица ночи есть вездѣ и все жь нигдѣ.

Промелькнувъ надъ Тѣнь-Рѣкою черно-бархатнымъ крыломъ,
 Въ гости къ Солнцу улетѣла птица тьмы ночнымъ путемъ,
 Чтобъ позвать къ намъ птицу-пламя и смѣнить печаль огнемъ.

И казавшійся злови́щимъ расшуршавшійся тростникъ,
 Подъ опаловой росой, какъ подъ ласкою пони́къ,
 Передъ нимъ въ водѣ трепещетъ ожемуженный двойникъ.

За дневною Тѣнь-Рѣкою тьма ночная далека,
 Все ночное будь хоть вдвое, а растаютъ облака,
 И подъ Солнцемъ, какъ червонцемъ, золотится Тѣнь-Рѣка.

СЛАДИМЪ-РѢКА.

Течеть она, течеть она,
 Рѣка-Сладимъ течеть.
 Какъ сладость сна, идетъ весна,
 Утраченъ веснамъ счетъ.

Разъязся ледъ, нѣжна тоска,
 Ключъ Бездны заиграетъ.
 Помчала всѣхъ Сладимъ-Рѣка,
 Бѣлѣтъ влажный валъ.

Онъ хлещетъ всѣхъ, насъ всѣхъ онъ вялетъ,
 Мы всѣ въ огнѣ скользимъ.
 Онъ мечетъ, крутитъ, пьяный валъ,
 Течетъ Рѣка-Сладимъ.

СВИРЬЛЬНИКЪ.

Онъ Пророкъ и онъ Провидецъ, онъ Свирьльникъ и Пѣвецъ,
Онъ испилъ священной крови изъ раскрывшихся сердецъ.

Онъ отъдалъ меда мыслей, что какъ вишенье кѣли,
Что какъ яблоня свѣтились и желаньемъ сердце жгли.

Въ бѣломъ свѣтѣ, въ аломъ цвѣтѣ, въ синемъ, въ желто-золотомъ,
Былъ онъ въ радугахъ вселенскихъ освѣщенъ Огнемъ и Лдомъ.

Заглянулъ онъ въ голубую опрокинутость зеркаль,
Слышала шепоты столѣтій и нашепъ, чего искали.

Семьствольную цѣвинцу онъ вознесъ, поетъ свирьль,
Вѣковую онъ гробницу превращаетъ въ колыбель.

Торопитесь, насладитесь полноцѣвною волной,
Нарядитесь, освѣтитесь Моремъ, Солнцемъ, и Луной.

Въ стройномъ хорѣ дышетъ Море, въ кругѣ—блески всѣхъ свѣтилъ,
Прикоснитесь въ разговорѣ къ собесѣдоващымъ Силъ.

АНГЕЛЪ ВСТРѢЧЪ.

Во зеленомъ саду, въ сновидѣнной и мечтѣ,
Птица райская поетъ на превышенной высотѣ,
Птица райская велитъ быть въ любовной чистотѣ.

Говоритъ она про нашъ геокванный законъ,
Горючитъ она, поетъ, что раскрылся Небосклонъ,
И вѣкъ будто бы звонитъ, и узывчивъ этотъ звонъ.

На престолѣ, въ высотѣ, свѣтлой Ангелъ нашихъ встрѣчь,
 Въ золоту трубить трубу, золотой онъ держитъ мечъ,
 Возсіяніемъ своимъ онъ ведетъ съ очами рѣчь.

Посылаетъ онъ лучи на зеленые луга,
 Онъ велитъ волнамъ морскимъ восходить на берега,
 Онъ велитъ волнамъ морскимъ оставлять тамъ жемчуга.

Онъ сіяетъ для очей ярче Утренней Звѣзды,
 Онъ даетъ тепло лучей для продольной бородамы,
 Въ изумруды и въ рубины одѣваетъ онъ сады.

Птица райская поетъ, и трубить огонь-труба,
 Говоритъ, что міръ широкъ и окисчена борьба,
 Что любиться и любить—то вершинная судьба.

АДАМЪ И ЕВА.

Адамъ, первично-красный,
 Ликующая плоть.
 Изъ глыбы темно-страстной
 Слѣпиль его Господь.

Узвѣчивая Ева,
 Прозрачная душа.
 На первый зовъ напіва
 Пришла къ нему, сѣша.

Пришла къ нему въ невѣжьи,
 Сіяющій Эдемъ.
 Но этотъ садъ пустынный
 Для разума былъ нѣмъ.

И Ева воздохнула,
И поглядѣть Адамъ.
И долгій ропотъ гула
Прощель по Небесамъ.

Совсѣмъ въ среднѣй Рай
Красивый кустъ расцвѣлъ.
Адамъ сказалъ, не зная,
Что это—женскій полъ.

И раковина Моря
Раскрылась на кустѣ.
Съ зарезъ цвѣтомъ спора,
И спора въ красотѣ.

И въ страсти обоюдной
Адамъ склонился къ ней.
Обвалъ ихъ изумрудный
Алмазнокій Змѣи.

Такъ пламенно горѣнье
Струналъ на нихъ алмазъ,
Что скрылъ онъ выраженье
Змѣиныхъ этихъ глазъ.

И дерево средь Рай,
Багряное, на снѣдъ,
Ростеть—тѣла снѣгая,
И жечь—чтобы горѣть.

Мѣнять ужъ невозможно,
Цвѣти, кто раньше цвѣлъ.
Адамъ сказалъ вѣложно,
Что это женскій полъ.

РАЙСКОЕ ДЕРЕВО.

Развѣсившее древо
 Сидеть среди Рай.
 Глядеть на Адамъ и Еву,
 Глядеть они вздыхая.

Сказали имъ, что можно
 Все трогать, лишь не это,
 Погибель непреложна,
 Здѣсь слишкомъ много свѣта.

Не трогайте же, дѣтки,
 Красы тутъ простыя,
 Серебряныя вѣтви,
 И листья золотые.

Ростеть оно изъ бедны,
 Уводить въ пропасть злою,
 Въ темницы, что желѣзны,
 Въ гробницу расписную.

Но самое въ немъ злое,
 Что есть въ немъ запрещенье.
 О, древо роковое,
 Ты съешь возмущенье.

Подъ дровомъ мягко ложе,
 Усыпано цвѣтами.
 Прости, великій Боже,
 Такъ вѣчно съ васильками.

Съ багрянцымъ цвѣтомъ ровы
 Сердца такъ вольно слиты,
 Что всѣ Твои угрозы
 Мгновенно позабыты.

И вѣтки—молоды,
 Въ нихъ серебро сквозное,
 И листья—золотые,
 Какъ солнце золотое.

Погубить ли насъ это,
 Цѣлуясь, мы не знаемъ,
 Но лишь завѣтъ запрета
 Мы называемъ Раемъ.

ТО ДРЕВО.

То древо, о которомъ
 Теперь ужъ рѣчь бесплодна,
 Свѣтло сіясть взорамъ,
 И шпраться свободно.

Багряно, златовидно
 Въ пылающей краѣ,
 Любить его не стыдно,
 Имъ въ мірѣ живы всѣ.

И будто бы когда-то
 Оно запретно было.
 Неправда, аромата
 Въ немъ животворна сила.

Оно до края Неба,
 Оно доходить въ Адъ.
 Въ дуплѣ есть много хлѣба,
 На вѣткахъ сонмъ усладъ.

Края всегда повиты
 Душистыми цвѣтами,
 Въ нихъ словно сказки скрыты
 Съ цвѣтистыми строками.

Въ корняхъ и медь и млеко,
 Двѣнадцать свѣжнѣхъ рѣкъ.
 И всё для человѣка,
 Богатый человѣкъ.

Причудливые вѣтри
 Въ стволахъ выходятъ, входятъ,
 И дѣти въ свѣтлой вѣрѣ
 Здѣсь хоромы водятъ.

И птицы столь всезвучно
 Поютъ среди вѣтвей,
 Что слушать ихъ не скучно
 Сто лѣтъ и вдвое дней.

ДВА ШЕСТИКРЫЛЫХЪ.

Я сижу и я гляжу
 На великую межу.
 Справа—поле, слева—лѣсъ,
 Много тутъ и тамъ чудесъ.

Я гляжу. А за спиною
 Шестикрылый Неземной.
 Не одинъ стоять, ихъ два.
 И ростеть, поеть трава.

Тотъ, направо, свѣтлый оня,
 Словно день воссламененъ.
 А другой еще свѣтлѣй,
 Какъ пожаръ среди ночей.

И одинъ—хорошъ какъ ташь,
 Какъ загнувшій камышь.
 У другого же глаза—
 Гривовая бирюза

И одинъ—свѣтло поеть,
 Какъ наѣнность тихихъ водъ.
 А другой—молчать, молчать,
 И какъ къ битвѣ закричитъ.

И одинъ крыломъ взмахнетъ,
 Шестикратностью блеснетъ,
 И мгновенно для очей—
 Годовыхъ три сотни дней.

И другой крыломъ взмахнетъ,
 Шестимолвийно сверкнетъ,
 И внезапно для очей—
 Триста огненныхъ вочей.

Справа поле, слева лѣсъ,
 Живо поле, лѣсъ воскресъ.
 Свѣтелъ день, и ночь свѣтла,
 Богу вѣчному хвала.

БРАТЬ И СЕСТРА.

— Кто ты, милый бѣлый братъ?
 Какъ свѣча твой свѣтлый взглядъ.
 — Кто ты, блѣдная сестра?
 Говорить давно пора.
 — Первый ты откройся мнѣ,
 Очень страшно при Лунѣ.
 — Ты мнѣ первая скажи,
 Кто ты, что ты, Расскажи.
 — Я сестра твоя, сестра,
 Вместе вышли со двора,
 Какъ оставили вашъ дѣмъ,
 Что Небесностью зовемъ.

— Я твой братъ, твой бѣлый братъ,
 Ангель, что ли, говорить,
 Все хочу я побороть
 На Землѣ земную плоть.
 — Я сестра твоя, сестра,
 Я душа, я звѣздъ игра,
 Если плоть мы освятимъ,
 Безъ обиды побѣдимъ.

БРАТЬ СЪ СЕСТРОЙ.

— Братъ, надъ лугомъ ты трубишь
 Въ свою золотую трубу.
 Если меня ты любишь,
 Скажи мнѣ мою судьбу.
 — Быть тебѣ вѣчно со мною,
 И всегда быть бѣлой, сестра.
 Тебѣ уготованъ Луною
 Путь серебра.
 Если въ часахъ—ты минуты
 Захочешь, минуты одной,
 На горы пойдешь ты круты,
 Въ замокъ, гдѣ сонъ лединой.
 Если въ минутѣ—минутѣй,
 Воздушнѣй захочешь быть,
 Я буду съ весною и съ лютней,
 И тебя научу любить.
 Если ты птицъ захочешь,
 Голубей тебѣ дамъ, лебедей.
 Если нарядъ свой омочишь,
 Это брызги небесныхъ дождей.
 Если цвѣтовъ захочешь,
 Я тебѣ ландышъ найду.
 — Братъ, ты иже пророчишь,
 А если я къ Солнцу пойду?

— Если ты не боишься жгучихъ
 Праздниковъ вешней игры,
 Иди, на премысленныхъ кручахъ
 Я тебѣ приготовилъ шатры.
 — Я бѣлая, такъ, и бѣлые,
 Чѣмъ лизія тихихъ воды.
 Но ты золотнись, и, рдѣя,
 Поешь, твой голосъ зоветъ.
 — Я зову на высокія выси,
 Я зову до неподнихъ глубинъ.
 Я огонь въ вѣковомъ кипарисѣ,
 Я въ вѣсерахъ полночныхъ рубинъ.
 — Зачѣмъ же тебѣ золотое,
 Скажи, а бѣлое—миѣ?
 — Чтобъ быть намъ счастливіе вдвое,
 Чтобы Солнце сіяло—Лунѣ.

БОЖЬЯ КНИГА.

Божью книгу я читала,
 Божья книга—здѣсь, въ саду.
 Выпилъ полный я бокалъ.
 Къ каждой буквѣ приникалъ.
 Пьяность въ разумѣ. Я жду.

Божья книга хороша
 Тѣмъ, что каждая душа
 Видитъ въ ней себя одну,
 Видитъ также цѣлый міръ,
 Видитъ собственный свой миръ,
 И вселенскую весну.

Божья книга хороша
 Тѣмъ, что каждая душа
 Можетъ всю ее прочесть,

Черезъ мигъ придетъ, слыша,
 Глядь, еще въ ней строки есть,
 И цвѣтутъ она, растутъ,
 Здѣсь, и тамъ, и тамъ, и тутъ.

Божья книга, вотъ опять
 Я пришелъ тебя читать.

ГОЛУБИЦА.

Во саду, саду зеленомъ,
 Подъ широкимъ небосклономъ,
 Отъ Земли и до Небесъ,
 Вознеслось чудо-древо,
 Съ блескомъ яблоковъ-чудесъ.

Прилетѣвъ на это древо,
 Съ воркованіемъ напѣва,
 Въ изумрудностяхъ вѣтвей,
 Молодая Голубица
 Выводила тамъ дѣтей.

Молодница, Голубица,
 Эта ласковая птица
 Ворковала къ молодымъ,
 Говорила имъ загадки
 Тамъ подъ Древомъ вѣковымъ.

Говорила имъ загадки:
 „Ужъ вы дѣтки-голубитки,
 Клябите вы пшеничку здѣсь,
 А въ пыли вы не пылитесь,
 Миръ далекій пыленъ весь“.

„А въ пыли вы не пылетесь.
 А въ росѣ вы не роситесь“.
 Ворковала имъ она.
 Только дѣтки не стерпѣли,
 Заманила ширина.

Голубятки не стерпѣли.
 Въ мѣрь широкій полетѣли,
 Запылилися въ пыли,
 Зарослиися росою,
 Удержаться не могли.

Зарослиися росою,
 Застыднѣлися виною,
 Голубица же вѣжна.
 Тамъ подь яблонью живою
 Оправдала ихъ она.

КАКЪ СОНЪ.

Я какъ сонъ къ тебѣ ходилъ,
 Оставлялъ свой цвѣтникъ алъ,
 Я какъ сонъ къ тебѣ ходилъ,
 Я какъ лучъ тебя ласкалъ,
 И въ живомъ игрании саль
 Изъ потопа выводилъ.

Изъ потопа, изъ волны,
 Изъ прибрежныхъ вязкихъ травъ,
 Изъ мутящейся волны,
 Изъ осоки и кушанъ,
 Изъ великой глубины
 Къ свѣту Солнца и Луны.

Становилъ тебя, сестра,
 Во зеленомъ саду,
 Говорилъ тебѣ, сестра,
 Что вездѣ съ тобой пойду.
 Говорилъ тебѣ: „Пора!
 Есть священная игра“.

И Луною золотой
 Осиянь въ живомъ саду,
 Подъ Луною золотой
 Я съ душою рѣчь веду.
 Я съ своею молодой,
 Мы подъ яблонью святой.

И зеленый садъ шумѣлъ,
 Какъ тебѣ я цѣловалъ,
 И зеленый садъ шумѣлъ,
 И раскрылся цвѣтникъ алъ,
 И кружилася голубь бѣлъ,
 Въ часъ какъ Миръ намъ пѣсню пѣлъ.

ПТИЦА РАЙСКАЯ.

Мы ходили, мы гуляли въ изумрудномъ во саду,
 Во саду твоемъ зеленомъ мы томилася въ бреду.

Мы глядѣли, какъ, впрѣдѣвшись, расцвѣтаетъ нижний садъ,
 Мы хотѣли, чтобъ скорѣе былъ намъ спѣлый виноградъ.

Мы молили, искушали, вопрошали мы Судьбу,
 Мы съ дрожавіемъ трубили въ живогласную трубу.

Мы звонили, и звенѣли въ Небесахъ колокола,
 И была надъ нами въ вѣтнахъ Птица райская свѣтла.

И потомъ мы утѣшались въ дубовымъ за столомъ,
 Пили, ѣли, прохлаждались, не заботясь ни о чемъ.

И потомъ мы пожелаемъ, чтобы умъ совсѣмъ исчезъ,
 Мы манная и сманили Птицу райскую съ Небесъ.

И потомъ мы перестали говорить: „А что потомъ?“
 Гуси звонко въ насъ рыдали, поцѣлуйный былъ нашъ домъ.

ГОЛУБЬ.

Голубь изъ терему припалъ,
 Кто тамъ, что тамъ, подсмотрѣлъ.
 Голубь тѣломъ пѣжно бѣлъ,
 На оконцѣ жъ цвѣткъ аль.
 Бѣлый голубь ворновалъ,
 Онъ цвѣточкомъ завладѣлъ,
 Онъ его зачаровалъ,
 Насладился, улетѣлъ.
 Ахъ ты бѣлый голубокъ,
 Позабылъ ты аль цвѣтокъ.
 Ахъ ты бѣлый голубокъ,
 Вернись хоть на часокъ.

УЛЕТН.

Изъ остроговъ, изъ затворовъ,
 Отъ косыхъ холодныхъ взоровъ,
 Отъ напрасныхъ разговоровъ,—
 Улети.

Птицей молодой, птицей бѣлой,
 Изъ темницы застарѣлой,
 Унесись на подвигъ смѣлый,—
 Есть пути.

Въ мигъ одинъ свершится диво,
И свободно и красиво
Засіяетъ лугъ и пина,—
Захоти.

Плѣннымъ — крычя, плѣннымъ — шелья,
Но мечтой умножь усилъя,
Вотъ растутъ, бѣлѣютъ крылья,—
Что жь, лети.

Камень тяжкій отвалился,
Душный сводъ тюрьмы раскрылся,
Прахомъ твой порогъ затмился,—
Отмети.

Будь же съ нами, съ голубими,
Въ голубомъ воздушномъ храмѣ,
Мы помчимся облаками,—
Улети.

ВОРКУНОКЪ.

Ужъ очень, голубокъ,
Ты хитрый воркунокъ!
Затянешь, ажурчишь,
Разрушишь въ сердцѣ тишь,
Разломишь въ немъ ледокъ,
И маяшь, и пьянишь,
О чемъ-то говоришь,
О чемъ и веждомекъ,
Заставишь возмзгать,
И стыднаго желать,
Заносетъ сердце,—глядь,
Вспорхнешь и улетишь.

СВАДЬБА ДУШЪ.

Кто сказалъ, что будто Небо далеко отъ насъ?
Солнце—въ мысляхъ, Мѣсяцъ сердцу свѣтитъ каждый часъ.

Чуть подумаемъ,—это утро, это свѣтъ дневной,
Чуть полюбимъ,—это дымка съ ясною Луной.

И Луна, побывъ, какъ Мѣсяцъ, въ вѣжномъ серебрѣ,
Станетъ Солнцемъ, чтобъ тонули помыслы въ варѣ.

И небесный серпъ, собравши жатву всѣхъ сердець,
Золотить колосья мыслей, ихъ снѣтъ въ вѣнецъ.

Серебро въ пресуществленьи золотомъ горитъ,
Въ мысляхъ жемчугъ, въ мысляхъ звѣздность, камень-маргаритъ.

Переливные опалы въ озерной водѣ,
Свадьба Мѣсяца и Солнца, вонъ звѣзды къ звѣздѣ.

Не поймаешь, когда полюбишь, двойственныхъ рѣчей,
Только будь какъ пламень Солнца, лучъ среди лучей.

Не найдешь раздѣльности Неба и Земли родной,
Если разумъ обличаешь съ царственной Луной.

ПРИХОДИ.

Вкругъ сада—изъ рыбныхъ костей я построилъ заборъ.
На нихъ положилъ изумрудно-серебристый коверъ,
Который я сплелъ изъ амфиныхъ и рыбныхъ чешуй.
Приходи, и яви мнѣ свой взоръ.
Приходи, поцѣлуй.

Сніжачіўся свѣтъ днемъ исходить отъ рыбныхъ костей,
 А въ ночь загорается въ нихъ словно вѣрный свѣтлякъ.
 Сказать, почему? Відь онѣ же изъ бездны морей.
 А Солнце въ моряхъ засыпаетъ на время ночей,
 И въ нихъ спитъ Луна, передъ тѣмъ какъ пробудится мракъ.

Въ ковртѣ серебро, и въ ковртѣ золотой изумрудъ,
 Сіяніи такихъ ни слова, ни вѣка не сотрутъ,
 И зыбь—безъ конца въ тишинѣ многолиственныхъ струй.
 Приходи, о, скорѣй, я ужь тутъ,
 Приходи, поцѣлуй.

ОТЧЕГО?

Отчего душа болитъ, а уму не говорить?
 Я люблю. Я люблю.
 Отчего огонь въ крови, хоть зови, хоть не зови?
 Я люблю. Я люблю.
 Отчего на Небесахъ звѣзды ясныя въ вѣйнахъ?
 Я люблю. Я люблю.
 Отчего изъ темноты дышутъ пьяные цвѣты?
 Я люблю. Я люблю.
 Отчего въ журчаньи струй такъ и бьется поцѣлуй?
 Я люблю. Я люблю.
 Отчего къ цвѣтку цвѣтокъ посылаетъ лепестокъ?
 Я люблю. Я люблю.
 Отчего въ твоихъ глазахъ и желаніе и страхъ?
 Я люблю. Я люблю.
 Отчего жь ты, отчего не у сердца моего?
 Я люблю. Я люблю.

ДЛЯ СЕСТРЫ.

Для сестры моей, любви, есть лазоревы цвѣты,
Есть лазоревы цвѣточки самой свѣжей красоты.

Самой свѣжей, самой нѣжной, изъ-подъ первой той росы,
Для сестры моей, любви, и другія есть красы.

На холмѣ, холмѣ зеленомъ есть высокій теремокъ,
Подъ оконцемъ воркованье, стопеть бѣлый голубокъ.

Голубь нѣжный, бѣлосѣжннй, онъ проворный, круговой,
Чуть крылами затрепещеть—онъ со стаєю живой.

Проворкуеть, насъ, молъ, много, это правда, а не ложь,
За однимъ другой и третій, хоть считай, да не сочтешь.

Замелькають, затрепещуть, крылья блещуть и горять,
Для сестры моей, любви, въ Небѣ выпросить нарядъ.

Въ самомъ Небѣ, въ снѣгъ Небѣ, у высокихъ облаковъ,
Ужъ помодать, ужъ попросить березы и жемчуговъ.

Ужъ помодать, ужъ попросить изумрудовъ, жемчуговъ,
И атласа отливного, и тончайшихъ шелковъ.

Небеса ли имъ откажутъ, въ Небѣ много тамъ всего,
Для сестры моей, любви, и для счастья моего.

ПО БЛАГОДАТИ.

Мы не по закону,
Мы по благодати.
Озаривъ икону,
Ляжемъ на кровати.

Мы не знаемъ брака
Выше, чѣмъ желанье.
Мы въ глубинахъ мрака
Иркое сильнѣе.

Видъ сцѣпленій слова
Льются наши рѣчи.
Можеть, будемъ снова
Въ столь же вольной встрѣчѣ.

Можеть, неповторень
Иррадиантъ нашей страсти.
Пусть. Чертогъ узорень
Двухъ свободныхъ счастій.

ШУТКА ЦВѢТОВЪ.

Я вошла въ зеленый садъ,
Новидалася съ цвѣтами,
Равноцвѣтные горять,
Цвѣтомъ съ сердцемъ говорить:
„Ты люби зеленый садъ,
Ты побудь подольше съ нами“.

Я не слушалась цвѣтовъ,
А они, въ пахучей силѣ,

А оля,—ихъ нравъ таковъ,—
 Трепетаньемъ огоньковъ,
 Возсіянемъ лещетковъ,
 И до мною почудили.

Въ теремъ свой отъ нихъ ушла,
 И съ фіалкой голубою
 Я заснула, я спала,
 Я во снѣ была свѣтла,
 Я чего-то все вдала,
 И проснулась—съ тобою.

ОДЕЖДЫ РАЗНЫ.

На тѣлѣ нашемъ, на нашемъ тѣлѣ
 Одежды разны—одна черна,
 Потому сѣры, потому вардѣли—
 Краснѣй, блѣднѣе, какъ свѣтъ блѣдна.

Не будемъ медлить въ одеждѣ черной,
 И сбросимъ сѣрый сѣтвой покровъ,
 И съ красной лентой, съ одной узорной,
 Мы явимъ свѣжестъ и свѣтъ свѣтовъ.

И будемъ въ вихряхъ, и будемъ въ свѣтахъ,
 И будемъ ночью свѣтлѣй, чѣмъ днемъ,
 Въ тѣлахъ воспѣтыхъ и въ свѣтъ одѣтыхъ
 Живое счастье горчить огнемъ.

БОЖІЙ ХРАМЪ.

Наше тѣло—Божій храмъ,
 Въ храмъ дай горѣть свѣчамъ,
 Любишь Бога, такъ смотри,
 Храмъ достойно уברי.

Чтобы ладанъ вѣхный въ немъ
 Былъ съ молитвеннымъ огнемъ,
 Чтобы тихій звонъ кадиль
 Прямо въ сердце заходилъ.

Чтобы къ храму льнула другой,
 Тоже Божій—и такой,
 Какъ бываетъ вешній садъ,
 Въ часъ какъ всѣ цвѣты горять.

ЧЕРНОМУ ВРАНУ.

Если спросить Черный Вранъ:—
 „Ты откуда, Бѣлый Духъ?
 Отчего въ тебѣ все бѣло?“—
 Ты предъ нимъ промисли вслухъ:—
 „Ужъ такой законъ мнѣ данъ,
 Черный Вранъ, Черный Вранъ,
 Бѣлый я тѣлесный духъ,
 И духовное я тѣло,
 Такъ Радѣнье захотѣло,
 Ибо мы—изъ Бѣлыхъ странъ.
 Ты же, Вранъ,
 Черный Вранъ,
 Каркай! Прочь!
 Въ мракъ и въ почъ!
 Прочь отъ сихъ Восточныхъ странъ!“

ЗАВѢТЬ.

Если хочешь рай блюсти,
 Чисто комнату мети,
 Чтобы полъ и потолокъ
 Былъ пресвѣтлый теремокъ.

Чтобы не было темно,
 Полюби свое окно,
 Чтобы была игра стекла
 Незапятнанно свѣтла.

Если хочешь нѣжить рай,
 За цвѣтами надзирай,
 Чтобы твой цвѣтущій садъ
 Былъ какъ огненный закатъ.

ВЪ БОГѢ.

Какъ быть въ Богѣ?—Свѣтъ найти,
 Не въ дорогѣ, а въ пути.
 А дорога-путь одна:—
 Пить любовь, и пить до два:

Выйди къ травамъ, посмотри!—
 Отъ зари и до зари
 Пчелы вьются межъ цвѣтовъ,
 Къ ночи свѣтлый медъ готовъ.

Выйди ночью, и взгляни:—
 Игачій Путь. Горятъ огни.
 Вѣлый свѣтъ. Люби, цвѣти.
 Будь зѣлагою во плоти.

ВѢНЧАНІЕ

Изъ древняго Молчанія
 Доходятъ голоса,
 Зовутъ насъ на вѣнчаніе,
 Идемъ, моя краса.

Для свѣтлаго веселія
 Рождаемся мы въ міръ.
 Таинственнымъ везіа
 Выѣхались въ этотъ пиръ.
 Колдующія везіа
 Сумѣемъ побѣдить.
 Въ глухія подземелія
 Ведеть цвѣтная нить.
 Слѣпыми переходами,
 Тропинкой вянтовой,
 Умокнувшимъ водами,
 Къ обители живої.
 Къ тому ли средоточію,
 Что въ самой глубинѣ,
 Гдѣ узримъ мы воочию
 Крещеніе въ Огнѣ.
 За этимъ—посвященіе,
 Причастіе глубинъ,
 Сожженіе—очищеніа,
 Одна ты, я одинъ
 Мы въ таинствѣ вѣнчанія,
 Мы стали два въ одномъ.
 Намъ древнее Молчаніе
 Окутало кругомъ.

ЗВѢЗДНОЕ ПРИЧАСТІЕ.

Если, послѣ подлуня,
 Темной ночью выхожу я,
 На тесовое крыльцо,
 Освѣжить свое лицо,
 Звѣзды искрятся, ликуя,
 По небесной вышивнѣ,
 Словно въ жаднѣ подлуня
 Расцвѣтаются онѣ.

И въ молитвенной истомѣ,
 Въ пробужденности и въ дремѣ,
 Въ сердцѣ чувствуя зарю,
 Слитно съ Небомъ я горю,
 Словно въ свѣтломъ водоемѣ
 Брызги—здѣсь, и брызги—тамъ,
 Мы въ молитвенной истомѣ
 Соприсчислены къ звѣздамъ.

ЗОЛОТЫЯ ЗЕРНА.

Смотрите, братья-голуби, смотрите, сестры-горлицы,
 Какъ много вамъ различнаго пшеничнаго зерна,
 Намъ зерна эти свѣтлыя, о, духи свѣтловзорные,
 Вечерняя, развѣтная послала вышина.

Отъ той звѣзды, что первая въ вечерней свѣтитъ горницѣ,
 Отъ той звѣзды, что первая сіяетъ поутру,
 Ниспосланъ этотъ колосъ намъ, и зерна въ немъ повторныя,
 Берите это золото, я самъ его беру.

Вы, облачные голуби, покорливыя горлицы,
 Сидите взоры крыльями, блѣднѣте въ золотомъ.
 Вамъ зерна золотистыя, вамъ облака узорныя,
 Вамъ солнечный, вамъ мѣсячный, небесный Божій Домъ.

СВѢЧА.

Если ты зажжешь свѣчу,
 Ты не прячь ее подъ столъ.
 Если ты сказала—хочу,
 Ты люби хотищій полъ.

Если ты пасешь овецъ,
 Ты слети себѣ руно.
 Ты почувствуй наконецъ,
 Для чего намъ все дано.

И красивый—женскій полъ,
 И могучій—полъ мужской.
 Если правду ты нашелъ,
 Не ищи себѣ другой.

СВѢТЪ ЧУДЕСНЫЙ.

Свѣтъ чудесный, свѣтъ прелестный свѣтитъ намъ съ Небесъ,
 Онъ въ другомъ краю засвѣтитъ, разъ въ одномъ исчезъ.

Онъ въ однихъ очахъ кончается, а въ очахъ другихъ
 Чуть замѣтно начинается, какъ зашѣтый стихъ.

И одни темнѣютъ очи, чтобъ въ ночи уснуть,
 Чтобъ другимъ, въ угрозу Ночи, вмѣсто нихъ блеснуть.

А заснувшія сияютъ—гдѣ шатеръ Небесъ,
 Чтобъ не думали, что будто ночью свѣтъ исчезъ.

ЧУДО.

Со мной случилось чудо,
 Я—адѣсь, а я—не адѣсь.
 Я вдругъ ушелъ отсюда,
 И мѣръ увидѣлъ весь.

Ужъ какъ-то такъ случилось,
 Что я вошелъ въ себя.
 Безшумно дверь раскрылась,
 Я слышу, весь мѣръ любя.

Какъ въ раковинѣ Моря
Напѣвъ и жемчугъ скрыть,
Молчу, ни съ чѣмъ не споря,
А Море мнѣ шумитъ.

И будто бы не слыю я,
И будто бы я слыю.
Я въ счастья поцѣлуя
Стоянокный міръ люблю.

Какъ въ раковинѣ Моря
Напѣвъ и жемчугъ скрыть,
Молчу, ни съ чѣмъ не споря,
А Море мнѣ шумитъ.

БЕЗЪ КОНЦА

—Что ты дѣлалъ, гдѣ ты былъ
За туманами могила?
—Нѣтъ могила. Могила—дверь.
Былъ я птица, былъ я звѣрь.
—Былъ ты птицею какой?
Добрый былъ ты или злой?
—Былъ я волкъ, и заяцъ бѣлъ,
Въ Небѣ жаворонкомъ пѣлъ.
—А потомъ? А что потомъ?
Гдѣ ты шелъ? Какимъ путемъ?
—Въ разномъ былъ, всего вкусилъ.
Черезъ двери проходилъ.
—А потомъ? А что потомъ?
Мы съ тобой куда идемъ?
—Безъ конца по Бытію.
Видишь: пѣсан я пою.

СТИХЪ КОРАВЕЛЬНЫЙ.

Мы въ двухъ горницахъ сосѣднихъ, я въ единомъ терему.
На таинственныхъ обѣдахъ, посвящаемыхъ Уму.

Умъ—алмазный устроитель возносящихся дворцовъ,
Нашъ божественный хранитель, дарователь всѣхъ вѣнцовъ.

Мы въ двухъ горницахъ раздѣльныхъ, мы за тонкою стѣной,
Въ часъ раднѣй корабельныхъ будемъ въ горницѣ одной.

Помолчать я, постучать я, и распалася стѣна,
Красоту души встрѣчалъ я, красота души одна.

Хоть и много есть у Бога расцвѣтающихъ цвѣтовъ,
Но одна ведетъ дорога къ предызбранницѣ вѣковъ.

Походили мы по дальнимъ, по лазоревымъ звѣздамъ,
Ужъ скитаньямъ печальнымъ больше сердце не отдамъ.

Хоть лазоревы и чудны звѣзды ныси голубой,
Хоть алатисты, изумрудны, тяжело быть мнѣ врозь съ тобой.

Ты пришла съ Звѣзды Лазурной, я пришелъ съ Звѣзды Рубинъ,
Оба были въ сказкѣ бурной, двумъ Земля—пріютъ одинъ.

И теперь въ великомъ чудѣ мы въ раднѣи Корабля,
Свѣтять очи, дышатьъ груди, въ Небѣ царствуетъ Земля.

ПОСЛАНИЕ КЪ ГОЛУБИЦѢ.

Ужъ ты птица голубина
Нѣжна горлица моя!
Ты предвѣная страница
Въ благовѣстѣи бытія!

Ты пресвѣтлая картина
 Между всѣхъ живыхъ картинъ!
 Ты слѣпше воедино
 Всѣхъ созвѣздій и вершинъ!
 Ты открывшая мнѣ дверь
 Въ нашъ волшебный теремокъ!
 Ты явившаяся сердцу
 Какъ божественный намекъ!
 Ты явившаяся взору
 Какъ живой родникъ въ пути!
 Ты возведшая на гору,
 Намъ съ которой не сойти!
 Ты проведенная чрезъ рѣку,
 На высокое крыльцо!
 Подарившая наѣтки
 Забодотканное кольцо!
 Къ голубицѣ — голубочекъ,
 Благовонная камедь!
 Исписался весь листочекъ,
 Не сумѣлъ тебя воспѣть!

ГОРЛНИЦЫ-ГОЛУБИ.

Горлицы бѣлые, воркуйте поутру,
 Горлицы бѣлые, воркуйте ввечеру,
 Голуби бѣлые, спѣшите имъ помочь,
 Голуби бѣлые, воркуйте цѣлу ночь.

Пить вамъ захочется, вѣсьмъ будетъ вамъ питье,
 Ъсть вамъ захочется, вотъ яствинце мое,
 Свѣтло-духовное пшеничное зерно,
 Бѣлому бѣлое для радости дано.

КАЖДЫЙ.

Каждый, ежели добдетъ
 До сіяющихъ высотъ,
 Намъ приносить въ бытіе
 Благовістіе свое.

Каждый вступитъ въ завадный счетъ,
 Въ комъ молитвенность течетъ,
 По духовной оны Рѣкѣ
 Устремится въ челнокѣ.

Каждый цвѣтъ весной цвѣтеть,
 Въ каждой сотѣ свѣтлый медъ,
 Такъ не старостямъ Зимы
 Поучаться будемъ мы.

СЛОВО БОЖІЕ.

Слово Божіе—въ пчелѣ,
 Въ таломъ снѣгѣ, и въ землѣ,
 Указующей—цвѣткомъ,
 Для чего сивозъ тьму идемъ.

Слово Божіе—въ волнѣ,
 Въ прибывающей Луиѣ,
 Въ воркованьи голубей,
 И въ очахъ любви моеѣ.

АНГЕЛЫ НЕБЕСНЫЕ.

Ангелы Небесные
 Писанье ли читають?
 Ангелы Небесные
 Не въ Небѣ ли летаютъ?

Птицы поднебесныя
 Не звонко ли поютъ?
 Помыслы чудесныя
 Не въ свѣтникахъ ли ждутъ?

КЛЮЧИ.

Солнце встало, съ нимъ—лучи,
 Держать Богъ въ рукахъ ключи,
 Богъ ключи роняетъ внизъ,
 Только Солнцу помолясь.

Не по книгамъ доходить,
 Чтобъ цѣлную выткать нить,
 Ты на радугу смотри,
 На жемчужности зари.

Ты смотри въ глаза того,
 Сердце чувствуетъ кого,
 Ты смотри и ты колдуй,
 И цѣлуешь, такъ цѣлуй

КУДА ЖЕ?

- Куда же ты сердце свое простираешь?
 —Я его простираю къ Раю.
 —Но развѣ объ Адѣ ничего ты не знаешь?
 —Нѣтъ, не знаю.
 —Есть Адъ прешрашный, есть Адъ прегрозный,
 Жгучій, морозный.
 Тамъ цѣлкіе крѣчмы, и тѣ, что здѣсь лѣвы,
 Попадаютъ въ вертены.
 А въ этихъ вертенахъ у бѣсовъ свирѣпыхъ
 Есть когти преостры.

Смиритесь же, братья, побойтесь проклятья,
 Побойтесь вы, сестры.
 И ты утрашиси, безумный свирѣльникъ,
 Я пропасть твою не измѣрю,
 Ты знаешь, вѣдь будешь въ огнѣ ты, бездѣльникъ.
 — Не вѣрю.
 Зачѣмъ быть въ Аду мнѣ, когда я пылаю
 Пресвѣтлой свѣчою?
 Я сердце и адсье на огнѣ окивляю,
 И радуюсь зною.
 И свѣтомъ рожденное жгучее Слово
 Ведеть насъ въ восторгъ торжества золотого,
 Къ нетлѣнному Раю.
 Я знаю.

ЧУЖИМЪ.

Насъ чужіе спросать: „Кто же вы такіе?
 Что у насъ на сердцѣ? Что во власти есть?“
 Мы, пожалуй, скажемъ, гости дорогіе,
 Только вы сумѣйте раньше звѣзды счастье.

Есть у насъ чертоги, гдѣ, хоть насъ и много,
 Свѣтлымъ мы жемчужио въ дружной красотѣ.
 Есть у насъ дороги, есть у насъ дорога,
 Лишь одна дорога, лишь къ одной чертѣ.

Но подробно молвить намъ мы не сумѣемъ,
 Что порою восемь меньше, чѣмъ одно.
 Тотъ, кто побылъ въ кругѣ, что вскипаетъ Звѣдемъ,
 Сразу—ожерелье, и одно звено.

Есть у насъ деревья съ вѣчными плодами,
 Коня боевые, трубы, и кресты.
 Но кресты подвижны, въ свѣтлой пляскѣ съ нами,
 Коня ржутъ пѣвуче, въ трубахъ звукъ мечты.

Золотыя ризы, бѣлыя видѣнья,
 Розовыя сказки, знаніе впередь,
 И забвеніе анализъ, утро наслажденья,
 Первый день—и много... Потерялся счетъ.

ПРОСТЫЕ.

Мы покажуи и простые,
 Если истина проста,
 Если волны золотыя
 Есть простая красота.

Мы покажуи неучены,
 Да на что-жь ученость намъ,
 Если сердце слышитъ звоны,
 Что проходить по цвѣтамъ.

АКСАМИТЪ.

Кто не цѣнить аксамитъ,
 Тотъ безумно говорить.
 Кто на тѣло возстаеъ,
 Въ темной кузницѣ куеъ.

Тѣму куеъ онъ безъ огня,
 Лишь стуча, а не звени.
 Паутину, и арканъ,
 Удушавщій туманъ.

Разъ не любишь Красоты,
 Какъ крылатымъ будешь ты?
 Тѣло—братъ, душа—сестра,
 Въ обрученіе ихъ игра.

ОТЪ ЧЕТЫРЕХЪ СТОРОНЪ.

Ото всѣхъ четырехъ сторонъ,
Иво всѣхъ четырехъ мы странъ,
Но одинъ намъ для всѣхъ законъ
Нашимъ собственнымъ сердцемъ данъ.

Эй, туманъ, разступись!
Здѣсь Востокъ! Все зажгись!

Эй, снѣгъ, пышный лугъ!
Здѣсь цѣлающая Югъ!

Эй, цвѣтокъ, тщи парядъ!
Здѣсь багряный Закатъ!

Эй, нашъ духъ, бѣзь будь весы!—
Сѣверъ здѣсь! Сѣверъ здѣсь!

Такъ вотъ и будемъ мы въ чудѣ распѣта,
Съ свѣгомъ январскимъ вѣнчаемъ мы лѣто,
Духъ обручаемъ мы съ тѣломъ живымъ.
Гдѣ онъ? За нами! Мы летимъ! Мы летимъ!

ГОЛУБКА СЪ ГОЛУБКОМЪ.

— Отчего, сестра, молчишь,
Ничего не говоришь?
— Мнѣ, мой братикъ, очень вновѣ
Свѣтъ цвѣтокъ, хождение въ словѣ.
То раскроюсь, то сожмусь,
Братень, братика боюсь.
— Ты не вѣрь себѣ, сестрица,
Будь какъ въ Небѣ голубица.

Со пѣвтами будь пѣвтокъ,
 Говорилъ для насъ Пророкъ.
 И Пророчица намъ пѣла,
 Говорить—любитесь смѣло.
 —Милый братникъ, я люблю,
 Довѣряю Кораблю.
 Да сама душа пророчить,
 Вдругъ уйти отъ братьевъ хочетъ.
 Не на вове, на часокъ.—
 Засмѣялся голубокъ.
 Встрепенулся, поглядѣлъ,
 Улетѣлъ, въ самомъ дѣлѣ,
 Улетѣлъ въ темноту,
 Засвѣтили тамъ мечту.
 Сестры, братья замѣчали,
 Ничего имъ не сказали.
 Коль хочется, такъ что-жь,
 Уходи, опять придешь.

ГОЛУБИНЫЯ ПОВАДКИ.

За голубками слѣди да примѣчай.
 Ты подумай, что все въ нихъ незначай,
 Вправду жъ, есть всему въ нихъ счетъ, хоть не расцети,
 Все имъ вѣдомо, что съ часомъ притечетъ.

Коль голубка проворкуеть девять разъ,
 Это значить, что тепло идетъ на насъ,
 Если жъ болѣе, чѣмъ девять, пропоеть,
 Это значить, будетъ теплымъ цѣлый годъ.

А когда она воркуеть безъ конца,
 Это значить, что готовы два вѣнца,
 Золотые, не простые, лишь для двухъ,
 У которыхъ въ двухъ тѣлахъ единый духъ.

СВѢТЛЫЙ ЛѢСЪ.

Есть и свѣтлые лѣса,
 Въ нихъ пойдемъ, моя краса,
 Въ нихъ мы будемъ по веснѣ
 Проходить какъ бы во снѣ.

И прижмемся при Лунѣ,
 Я къ тебѣ, а ты ко мнѣ.

Мы увидимъ тамъ съ тобой
 Колокольчикъ голубой,
 Колокольцевъ этихъ звонъ
 Словно сонъ со всѣхъ сторонъ.

Лѣсъ нашъ— свѣтлый, это— онъ,
 Если звонъ со всѣхъ сторонъ.

Колокольчики поютъ,
 Вотъ давай присядемъ тутъ,
 Въ звонахъ столько серебра,
 Какъ любви во мнѣ, сестра.

Говорь въ звонѣ серебра:—
 Ужъ весна пришла. Пора.

СВАДЬБА.

Я вѣнчался съ дружкой
 Подъ кусточкомъ подъ кустомъ,
 Платье свадебно Луна
 Убѣдила съ высоты,
 Наша церковь— тишина,
 Гости свадебны— цвѣты.

Подъ кусточкомъ подъ кустомъ
 Тамъ и свадебный былъ домъ,
 Были пѣвчіе у насъ:
 Между ладанными вѣтвей,
 Всю-то почку пѣлъ — какъ разъ
 Надо мною — соловей.

Обручала насъ весна,
 Обвѣчала тишина,
 И на яблонѣ дѣпой
 Осыпались лепестки.
 Хорошо ль тебѣ со мной?
 Вѣчно ль будемъ мы дружи?

ГОЛУБАЯ ЗАУТРЕНЯ.

Пловучими туманами
 Одыть подъ утро лѣсъ.
 За бѣлыми полянами
 Ужъ лнкъ Луны исчезъ
 И бѣлыми полянами
 Проходимъ мы съ тобой,
 Зоветь гостями зваными
 Насъ цвѣтнѣкъ голубой.

Велитъ намъ быть веселыми,
 Еще придти съ тобой.
 Свѣтло звонитъ надъ долами
 Заутреней цвѣтной.
 Надъ синими надъ долами
 Звонитъ окъ Кораблю.
 Равняетъ мысли съ пчелами,
 „Люблю“ поетъ, „Люблю“.

КОШНИЦА.

Я дождусь заповѣднаго времечка,
 Разбирать буду каждое сѣмечко.
 Разберу сѣмена, разгладжу, положу,
 Что увижу, и въ чемъ, никому не скажу.
 А когда разложу сѣмена по рядамъ,
 Буду въ гости я ждать Свѣтлоую къ намъ.
 О парядныхъ цвѣтахъ затоскуеть Весна,
 Тутъ я ей послужу, посажу сѣмена
 Тутъ я ей покажу: какъ вверху глубина,
 У меня звѣдаъ земныхъ вся кошница полна.

САДЪ МОЙ САДЪ.

Садъ мой садъ, таинственный,
 Свѣтъ живой воды,
 Между звѣдаъ единственный,
 Рдьяные плоды
 Кто-то Свѣтлый ходитъ въ немъ,
 Нѣжить лепестки,
 Кто-то Стройный бродитъ въ немъ,
 Своимъ понуть цвѣтки.
 Зыбкою дремотою
 Радуетъ траву,
 Тонкой позолотою
 Пѣстять ошь листьву.
 Божьями ошь дочками
 Синь-цвѣтки зоветъ,
 Съ бѣлыми цвѣточками
 Водить хоровадь.
 Нѣжное, чудесное
 Вводитъ ошь въ мечты,
 Въ Царствіе Небесное
 Всѣ глядеть цвѣты.

НЕЗАБУДОЧКА.

Незабудочка цвѣточекъ
 Очень ласково цвѣтеть,
 Для тебя мой другъ-дружочекъ,
 Надъ водицею ростеть.

Надъ водичей, надъ криницей,
 Надъ водою ключевой,
 На зарѣ съ загадой-загадичей
 Говорить—ты будто мой.

Незабудочка цвѣточекъ
 Нѣжно-сизенькій глазокъ,
 Все зоветь тебя, дружочекъ,
 Слышишь тонкій голосокъ?

ВѢТЕРЪ БУЕНЪ.

Вѣтеръ буенъ пролеталъ,
 По листочкамъ трепеталъ.
 Я же, весела,
 Въ глубь по саду шла.

Вѣтеръ буенъ въ цвѣтникъ алъ
 Закрутился, въ немъ впадалъ.
 Колдовалъ цвѣтокъ,
 Миѣ и неведомекъ.

Въ сердцѣ дума весела,
 И безъ думы я была.
 Подошла къ цвѣтку,
 Къ нѣжному лепестку.

Пріоткрылася цвѣткѣ алы,
 Прямо въ сердце мнѣ дышала.
 Мила мнѣ алы цвѣтокъ,
 Милый уголекъ.

Наклонилась я къ нему,
 Пошатнулась, не пойму.
 Словно вѣтерокъ
 Закружилъ листокъ.

Прикоснулась я къ цвѣтку,
 Чую сладкую тоску.
 Нравится мнѣ цвѣтъ.
 Рвать его нѣль нѣтъ?

Буенъ вѣтеръ возставалъ,
 Многоструенъ овѣвалъ.
 Больше нѣту силъ,
 Съ погъ меня свалилъ.

Закружилась голова,
 Я лежу, едва жива.
 Вѣтеръ—врагъ? Нѣль нѣтъ,
 Вѣрно, алы цвѣтъ?

ЦВѢТОЧКИ.

Я по рошицѣ ходила
 Въ ней бродила поутру,
 Про себя я размышляла,
 Что цвѣточковъ наберу.

Что цвѣточковъ я немало
 Замаю въ свою игру,
 А ужь салушка-то сила
 Въ сердцѣ выхода просила.

Я лавровыхъ цвѣточковъ
 Мельзъ листочковъ набрала,
 Я сама не замѣчала,
 Какъ далеко я ушла.
 Я алатой цвѣтокъ срывала,
 И душа была свѣтла,
 Вдругъ увидала кусточекъ,
 Подъ кусточкомъ мой дружокъ.

Ужъ такой ли аль цвѣточекъ
 Мой дружокъ мнѣ сорвалъ,
 Я дрожала и не знала,
 Какъ мнѣ скрыть тотъ цвѣтикъ аль,
 Такъ ужъ стыдно, небывало
 Тотъ цвѣточекъ расцвѣталъ,
 Не могу теперь дружокъ
 Отпустить изъ-подъ кусточка.

ЛѢСНАЯ СКАЗКА.

Какъ мнѣ страшно было, сестры,
 Я изъ сада въ лѣсъ ушла.
 Мотыльки тамъ были пестры,
 И калина тамъ цвѣла.

И ужъ долго ль тамъ была я,
 И гналась за мотылькомъ,
 Я не плаваю,—только, алая,
 Вѣдьма стала надъ путемъ.

Снизу ль вышла, сверху ль встала,
 Или съ боку подошла,—
 Очи алая, свѣтятъ ало,
 А во рту—и ночь, и мгла.

Я гляжу, она все ближе,
И кривится, и растетъ.
Кости гложеть, кости выжеть,
Ожерелье мнѣ плететь.

Ротъ раскроетъ и закроетъ,
Справа вечеръ подступилъ,
Ротъ раскроетъ, филить востъ,
И полночный часъ пробилъ.

Отъ веселья или отъ злости
Все свѣтлѣй глаза у ней,
Все страшнѣй бѣлѣютъ кости,
Я—бѣжать, она—„Не смѣй“.

Погрозилась, я застыла,
Я стою, и сплю—не сплю.
Цѣлый лѣсъ—мой могилъ,
Какъ вернусь я къ Кораблю?

Только вдругъ вдали зашлеп
По дереву пѣтухи.
Гдѣ я? Что я, въ самомъ дѣлѣ?
Ахъ, напасти! Ахъ, грѣхи!

Чья-то дивная избушка,
Я предъ дверкою стою,
И предобрая старушка
Нѣжитъ голову мою.

Говорить: „Вотъ такъ-то всѣ мы
Черезъ это всѣ прошли,—
Да предъ этими звѣздами нѣмы,
А теперь поютъ вдали“.

И востану, сестрицы,
Звѣзды пѣли надо мной,
И лазоревы зарницы
Вилась лентою цвѣтней.

А въ лѣсу-то пошла я,
Мнѣ дала старушка бусь,
И совсѣмъ она не злая,
Ничего я не боюсь.

А какъ вышла я къ долинѣ,
Вижу чудо—межъ вѣтвей,
Не цвѣты ужъ на калинѣ,
Много ягодныхъ огней.

Словно алые кружочки
Словно цвѣтъ родилъ звѣзду
И сижу я здѣсь въ садочкѣ,
А опять я въ лѣсъ пойду.

НА КРОВАТКѢ.

На кровати на тесовой
Вешній садъ.
Тамъ дружокъ мой непутевый,
Говорять.
Говорить-то это птица
Надъ избой,
Да еще вотъ половица
Подъ ногой.
Онъ съ кровати поднимался,
Восставалъ,
Черезъ оконце наклонился,
Цвѣтныя рвалъ.

Через оконце этотъ цвѣтикъ
 Онъ пронесъ.
 Ужъ мнѣ стоялъ этотъ цвѣтикъ
 Много слезъ.
 И какія эти слезы,
 Не пойму.
 Всѣ ему отдамъ я розы,
 Все ему.
 Съ нимъ весь міръ какой-то новый,
 Все свѣжо.
 На кровати на тесовой
 Хорошо.

СОНЪ.

Меня сонъ не беретъ,
 Изъ ума мой миль нейдетъ.
 Гдѣ то онъ? Ужъ темно.
 Мѣсяцъ смотрится въ окно.
 Гдѣ то онъ? Гдѣ то онъ?
 Приходи ко мнѣ хоть сонъ.

А сонъ соскользнулъ,
 На рисины мнѣ дохнулъ,
 Пошенталь—приведу,
 Звѣзѣчу твою звѣзду.
 Гдѣ то онъ? Гдѣ то онъ?
 Разморилъ меня мой сонъ.

Гляжу, не гляжу,
 Вся какъ пьяная лежу.
 Звѣзды, что ль, въ цвѣтахъ горять?
 Это горяща изъ сада?
 Это онъ! Это онъ!
 Ахъ какъ свѣтитъ Небосклонъ!

ПРОЗРАЧНОСТЬ.

Я взглянула въ окна,
 Вижу—бѣлая Луна.
 Слышу—сладко межъ вѣтвей
 Распѣваетъ соловей.

Сладкопѣвецъ распѣвалъ,
 Въ Небо голосъ подавалъ.
 Въ Небѣ звѣзды съ высоты
 Упадали на цвѣты.

Чѣмъ тише неяримый свѣтъ,
 Тѣмъ былъ больше Мѣсяцъ бѣлъ,
 И свѣтлѣй въ зеленый садъ
 Лился звѣздный водопадъ.

И красавица Луна
 Такъ была въ конецъ блѣдна,
 Что какъ призракъ съ высоты
 Опрозрачила цвѣты.

И отъ звѣздъ и отъ цвѣтовъ
 Столько всюду было сновъ,
 Что навѣкъ въ душѣ моей
 Не смолкаетъ соловей.

ЗАВОРОЖИТЬ.

Душу обнялъ ты мою,
 Свѣтловзоръ, тебя пою.
 Чѣмъ меня заворожилъ?
 Вѣдь не золотомъ кудрей,

Хотя въ саду ты всѣхъ свѣтлѣй,
 Хотя въ всѣхъ ты сердцу милъ
 Изумрудностью очей,
 Норкованіемъ рѣчей.
 Хотя и этимъ упоилъ,
 Да не этимъ душу взялъ,
 И не этимъ во дворецъ
 Манншь столько ты сердецъ,
 Въ самый праздничный нашъ валь.
 Тѣмъ, что взоръ твой отразилъ
 Несосятаемость свѣтилъ,
 Тѣмъ, что голосъ твой—несна,
 Сине-Море-глубина,
 Тѣмъ, что каждый цюцлауф
 У тебя какъ свѣжесть струй,
 Тѣмъ, что тѣлу давъ мечты,
 Въ тѣлѣ душу обнялъ ты,
 Этимъ, этимъ, межъ сердецъ,
 Взялъ мое ты наконецъ.

КРУТОЙ БЕРЕЖОКЪ.

Хорошо-ль вы, братцы, почивали,
 Хорошо-ль вы спали, почевали?
 Я-то добрый молодецъ, хоть спалъ,
 Только плохо сердцемъ почивалъ.
 Снизлось мнѣ, что бережкомъ я краснымъ
 По крутымъ мѣстамъ пошелъ опаснымъ,
 Былъ мнѣ любъ тотъ красный бережокъ,
 Какъ онъ крутъ, мнѣ было невдомекъ.
 Загулялся я, и оступился,
 Бережокъ тотъ красный обвалился.
 Оступился лѣвой ногой,
 Ухватился правою рукой

Я за древо крепкое, кручину,
 И держу, и древо не покину.
 Так воть адсье, надь быстрою водою,
 Весь свой вѣкъ спончаю молодою.

БѢЛАЯ ПТАШКА.

Розовая кашка
 Въ зарѣ распѣчалась.
 А бѣлая пташка
 По сидюку металась.
 Самая бѣлая
 Межь бѣлыхъ райскихъ птицъ,
 Самая несмѣлая,
 Съ вѣтвей ушла ниць.
 Крылышкомъ махаетъ,
 Крылышками блещетъ,
 Сердцемъ подыхаетъ,
 На землѣ трепещетъ.
 Мать моя родная,
 Мать Земля сырая,
 Исповѣдь мою
 Я не утаю.
 Вѣтви—изумрудны,
 Отъ сестралъ тамъ бѣло,
 Вѣтви—многочудны,
 Быть тамъ не сумѣла.
 Что-то закружилось,
 Что-то повлекло,
 Изъ вихрѣ и носилась,
 Стало тяжело.
 Я была въ усладѣ,
 Въ садѣ и не въ садѣ,
 Выше изумруда,
 Новое тамъ чудо.

Духъ мой захватило.
 Выше быть вѣтвей!
 Слабость или сила,
 Но была я—съ ней.
 Съ сладостію, съ нею,
 Быть хочу опять,
 Лишь о ней жалю.
 Больше—не видать.
 Полно, птичка, биться
 О сырую землю.
 Въ сердце все вмѣстится,
 Сердцу адсья я внемлю.
 Я твоей была силой,
 Слабостію несмілою.
 Съ пташкой бѣлокрылою
 Быть мнѣ птицей бѣлой!

ЖЕМЧУЖИНА ПЕРЛАМУТРОВНА.

Я приду къ тебѣ въ навечеріе,
 Буду ждать тебя у предверія,
 Чтобъ въ завітнѣй часъ мнѣ увидѣть свѣтъ
 Ненагадныхъ глазъ, гдѣ на все отвѣтъ.

Я приду къ тебѣ какъ нягтѣ,
 Буду ключъ алатой для раскрытія,
 Чтобъ душа души, о, Жемчужина,
 Вся была свола обнаружена.

Я приду къ тебѣ какъ къ заутренѣ,
 Я Жемчужинѣ Перламутровнѣ
 Прощенчу сквозь дверь: „Отомкни теперь.
 Я люблю тебя. Отворись и вѣрь“.

ВЪ РАКОВИНѢ.

- Ты гдѣ была, Жемчужина, когда я ждалъ тебя?
 — Я въ раковинѣ пряталась, и тамъ ждала—любя.
 — О чемъ же ты, Жемчужина, тамъ думала въ тиши?
 — О радости, о сладости, о счастьи души.
 — И въ чемъ же ты, Жемчужина, то счастье нашла?
 — Въ дрожаніи сознанія, что ввысь взойду—свѣтла.
 — А знала ль ты, Жемчужина, что теремъ твой сломаю?
 — Огнь темень былъ, я свѣтлалъ, я только свѣтъ люблюю.
 — А знала ль ты, Жемчужина, что послѣ ждешь тебя?
 — Я отсвѣтъ Лунѣ, и отблескъ Солнца, мой путь—свѣтить любя.

ЗВѢЗДНАЯ МЫСЛЬ.

- О, сестра моя дарованная,
 Лучшей мыслью облюбованная,
 Солнце, Море, все мое,
 Что ты видишь?—Лезвіе.
 — О, сестра моя, плѣнительница,
 Звѣздныхъ мыслей обольстительница,
 Что грозить намъ лезвіемъ?
 — Лѣсъ.—Но мы въ Саду вдвоемъ.
 — Лѣсъ грозится намъ разбойниками,
 Смертелюбами, покойниками.
 — Для чего-жъ идти намъ въ Лѣсъ,
 Если столько адѣсь чудесъ?
 — Если я Судьбой дарованная,
 Звѣздной мыслью облюбованная,
 Я хочу ихъ просвѣтить,
 Въ яму къ свѣту бросить нить.
 — О, надъ душами гадательница,
 Золотая сострадательница,
 Если ты горнишь въ Саду,
 Видитъ Лѣсъ—изъ тьмы—звѣзду.

И свободны волей яменики,
 Захотятъ, придутъ пламенники,
 Не хотятъ, продолжаютъ путь,
 Ты же, звѣдность, въ звѣздахъ будь.

ВЕРШИННЫЙ СОНЪ.

Если жемчугъ, сафиръ, гиацитъ, и рубинъ
 Съ изумрудомъ смѣшать, превративши ихъ въ пыль,
 Нѣжный духъ ты услышишь, нѣжнѣй, чѣмъ жасминъ,
 И красно-пьянѣй, чѣмъ ваниль.
 Въ ароматѣ такомъ есть фіалка весны,
 И коль на ночь подышешь ты тѣмъ ароматомъ,
 Ты войдешь въ благовожно-стозвоенные сны,
 Ты увидишь себя въ Вертоградѣ богатомъ,
 Въ Вертоградѣ двѣнадцати вратъ,
 Гдѣ оплоты подобны сіяющимъ латамъ,
 И рядами въ стѣнахъ гиациты горятъ,
 И рядами алѣютъ и льются рубины,
 И рядами, какъ воалѣ озеръ—берега,
 Изумруды, сафиры горятъ, жемчуга,
 Кто-то шепчетъ тебѣ:—„Ты единый!
 „Посмотри, посмотри:—
 „Здѣсь заря—до заря.
 „Любишь?“—„Счастье! Люблю.“—„Повтори! Повтори!“
 „О, люблю!“—Какъ сіяютъ вершины!

ЛАДАНЪ.

Есть ладанъ и ладанъ. Есть ладанъ простой,
 Хоть свѣтъ отъ него золотой.
 И духъ его, синій расцвѣтъ омиама,
 Есть чара вечерняго храма.

Есть ладанъ, который—отъ утреннихъ росъ,
 Отъ ночи, отъ зорь, и отъ слезъ.
 И столько-ль молитвъ, какъ сердечнаго зноя,
 Въ пахучемъ дыханьи бензоа.

ВО ХРАМЪ НОЧНОМЪ.

Во храмъ ночью
 Бряцаютъ кадила.
 Башенный звонъ притихъ.
 Ладанъ, бензой, киншамомъ,
 Рѣсть Небесная сила,
 И стройный поется стихъ.
 „Сестра оживаній моихъ,
 Звѣзда всканій полночныхъ.
 Огонь мгновеній урочныхъ,
 Когда нельзя не любить.
 Цѣнный камень, въ которомъ
 Пламенн—каждущимъ взоромъ
 Поютъ воскресшимъ хоромъ.
 Въ тайну—лучистая нить,
 Несокрушимость, основа
 Для золотого,
 Жданнаго,
 Столь осяннаго,
 Храма.
 Весь мiръ для тебя лишь лучистая рама,
 Весь мiръ для того лишь возникъ,
 Чтобъ изъ сердца, гдѣ вспыхнулъ владъ,
 Гдѣ воть эти огни горять,
 Вырвался крикъ,
 Пламенно-жаркiй,
 И знавшiй также, какъ сладостна тишь,
 Въ молитвѣ безгласной и яркой,
 Когда какъ звѣзда ты горишь,

Когда какъ Луна ты, какъ Солнце, какъ Богъ,
 Какъ радуга молній, какъ шопотъ, какъ вѣдохъ,
 Какъ вонь изъ-за дали морей,
 Наконецъ возвѣстившій: „Пора!
 Приходи, я тебя увѣнчаю вѣсьмъ блескомъ расцвѣтшихъ вѣтвей“.
 О, сестра!
 Я хотѣлъ бы все вѣбды, все души замкнуть
 Для тебя, адѣсь, въ души просвѣтленной моей.
 О, сестра!
 Ты—путь“.
 Ладанъ, беввой, киннамомъ,
 Брицанье пахучихъ кадилъ.
 „Братъ, ты отрада, ты мой, ты мой домъ,
 Брать, сколько счастья въ огнѣ голубомъ.
 Звѣзды Господь—для тебя засвѣтлѣ,
 Для тебя все цвѣты расцвѣтлѣ.“

ТИХІЙ ДОНЪ.

„И времени больше не будетъ...“

Отаровскія.

На тихомъ на Донѣ,
 Въ сѣняхъ и въ званѣ.
 Цвѣтетъ велепѣющій садъ.
 Летаютъ тамъ птицы,
 Сѣютъ вѣрнницы,
 Стоять тамъ свѣтлицы,
 Горятъ.

Въ свѣтлицѣ столовой
 Тамъ столъ есть дубовый,
 Двѣнадцать любимыхъ за немъ.
 Они не страдаютъ,
 Они обладаютъ,
 Въ нихъ сумраки такъ,
 Какъ дымъ.

Въ свѣтлицѣ столовой,
 Въ той горницѣ новой
 И вѣчной какъ Солнце и свѣтъ,
 Дѣцнадцать красивыхъ,
 Безсмертно-счастливыхъ,
 Все въ мірѣ—въ разрывахъ,
 Здѣсь—нѣтъ.

Въ нѣмомъ поцѣлуѣ
 Застывшія струи
 Молчаньемъ окованныхъ водъ.
 И звонъ колокольный,
 Надъ бездною долиной,
 Въ уютъ тотъ безбольный—
 Зоветъ.

ГОЛОСЬ.

Былъ голосъ изъ-за облака:—Пребудьте въ бытія.
 Послушайте, вы, голуби, вы, ясные мои.
 Затѣмъ мы огнистую свѣжистую игру,
 И изольте себя пречистую покровомъ наберу.
 И въ эту ткань богатую по-царски облекусь,
 Не тѣню къ вамъ крылатою, а весь какъ есть явлюсь.
 И будетъ духъ—въ круженіи, какъ голубь круговой,
 Въ сверканьи и въ горѣніи въ свирѣлости живой.
 Въ великой осинности кружащихся планидъ,
 Въ блаженной несказанности, въ которой буря спитъ.
 И вотъ—и вотъ—идеть она, идетъ она, ростеть,
 Въ душѣ горячимъ молніемъ забытъ-утраченъ счетъ.
 Мы въ бѣшеной любовности, мы въ бѣлыхъ облакахъ,
 Въ великой безгрѣшности, въ свѣжащихъ насъ громахъ.

БОГЪ ЖИВОЙ.

(голосъ).

Ты оставь чужихъ людей,
Ты межъ братьевъ поради,
Богомъ-Духомъ завладѣй.

Люди ходятъ такъ и сякъ,
Входятъ въ свѣтъ и входятъ въ мракъ,
А не знаютъ вѣщій знакъ.

Мы же—посолонь всегда,
Наша—свѣтлая страда,
И несбывчива—Звѣзда.

Богъ есть мертвый, Богъ живой,
Богъ живой да будетъ твой,
Послѣдай, Господь съ тобой.

БОГЪ ЖИВОЙ.

(голосны).

Богъ живой, вездѣ живой,
Въ Небошаря голубой,
Въ Солницѣ, въ Мѣсяцѣ, въ звѣздѣ,
Въ протекающей водѣ.

Въ громоудящихся китахъ,
Въ еле видимыхъ цвѣтахъ,
Въ паутинкѣ на вѣтру,
Въ слѣ послѣднемъ поутру.

АЗЪ ЕСМЬ БОГЪ.

Азъ есмь Богъ, въ вѣкахъ предсказанный,
Изъ глубинъ своихъ развязанный,
Изъ глубинъ своихъ свободъ
Вставшій здѣсь, какъ мигъ и годъ.

Азъ есмь Богъ и откровеніе,
Темнымъ душамъ во спасеніе,
Свѣтлымъ душамъ въ поцѣлуй,
Да поютъ, любя: „Инкуй!“

Азъ есмь Богъ почеловѣченный,
Звѣздою отмѣченный,
Всѣхъ другихъ боговъ не счесть,
Но иного Бога нѣсть.

НѢТЬ ДРУГОГО УЧЕНІЯ.

Нѣтъ другого ученія. Не ищите его.
А на чемъ вы поставлены, стойте.
То, что вамъ заповѣдано, не утратьте того,
И заклявши веводъ свой, пойте.

Не женясь, неженитесь. Разженитесь съ женой,
Вы, женитесь,—будьте съ сестрою.
И глазами въ глаза взглянувъ, глубина съ глубиной,
Будьте тѣломъ—и тѣломъ—съ душою.

Разъ вы хмѣле насветесь, да лучистъ будетъ хмѣль,
Разъ въ словахъ, не склонись къ суесловью.
Семиратво есть проклять тотъ, кто разрушилъ свирѣль,
Семибеадно онъ проклять Любовью.

Не украдете. Единую кто копѣйку возьметъ,
 Ту копѣйку поломать на темя.
 Будетъ жечь, будетъ жечь она, до прощенья прожжеть,
 Но, чтобъ плавиться, нужно ей время.

Другъ ко другу ходите вы, и водите хлѣбъ-соль,
 И любитесь любовью желанной.
 И храните всю заповѣдь, и храните, доколъ
 Не пряду къ вамъ, Огнемъ осіянный.

ГРѢХЪ ОДИНЪ.

Есть грѣхъ одинъ и грѣхъ мучительный,
 Хотя и много есть грѣховъ.
 Одинъ чрезмѣрно-унизительный,
 И продолжающійся, длительный,
 Въ себѣ тающій совмѣ гробовъ.

То грѣхъ души съ душою скованной,
 То принужденіе для губъ,
 Когда привычно-уготованный
 Есть поцѣлуй не очарованный,
 И тѣло съ тѣломъ—трупъ и трупъ.

На этотъ грѣхъ, съ безмѣрной ратію,
 Иду, и вѣшній вѣтръ струю.
 Я предаю его проклятію,
 Я предаю его треклитію,
 Четвероукитію предаю.

ЧЕТВЕРОКЛЯТИЕ.

Четвероклятие мое

Не только въ отверженья.

На скатой нивѣ есть старье,

Я жгу его, свящу ее,

И, освящая бытіе,

Такъ возвѣщаю въ цѣнь.

Заклятье первое—Огонь.

Сквозь снѣгъ вѣдетъ онъ къ Маю.

Имъ стобель живъ, и волкъ, и конь,

И человекъ. Идетъ—не тропь,

Придетъ—впусти, онъ святъ, Огонь.

Иначе—сожгую.

Второе слово есть Земля.

Въ ней свѣжесть внешней силы.

Въ ней спитъ зерно, о днѣ моля,

Стволы растутъ для Корабля,

Люби ее, намъ мать Земля.

Иначе—мракъ могилы.

Заклятье третье—Вода.

Въ ней вѣчность возрожденья.

Въ ней отражается Звѣзда,

Въ ней дождь и слезы, нѣтъ и да,

Люби ее, сестра Вода.

Иначе—истощенье.

Четвертый голосъ—Вѣтра духъ.

Въ немъ вольный зовъ свирѣли.

Святую тайну мысли велухъ,

Въ цвѣтѣхъ летѣй пѣживѣйшій пухъ,

Пойми, что въ Вѣтрѣ дышетъ Духъ.

Иначе—свистъ мятели.

ОБЩНИКИ СВЯТОСТИ.

Общники нікою святости, кою въ словахъ не замкнуть.
 Съ вами сливаюсь я мыслію, вотъ раскрывается грудь.
 Нѣтъ, не ключомъ отмыкается. Нѣтъ, не блестящимъ пожомъ.
 Все же открылась, какъ горница. Въ горницѣ кладь бережемъ.

Гнали насъ. Это мнѣ вѣдомо. Голову сікли враги.
 Сердце тѣснили и мучили. „Лги, заблуждайся, и лги“.
 Мечъ былъ не страшень искателямъ. Нужно вамъ жертвы? Такъ
 что-жь,
 Примемъ—отсюда отшествіе. Только не примемъ мы—ложь.

Гнали насъ. Даже скончавшихся вырвали низкою рукой.
 Въ пламень кощунственно бросили призрачность, прахъ дорогой.
 Пепель развѣяли въ воздухѣ. Благо! Священень огонь.
 Вітеръ, ты, віющій вольностью, спасъ отъ чрезмѣрныхъ погонь!

Дальше! Въ верховную сторону. Дальше! Опять и опять.
 Между людей изумившихся звѣздная свѣтитъ печать.
 Къ брату отъ брата свѣченіе. Брату отъ брата вѣнецъ.
 Свѣтлая длинная лѣстница. Дѣти и звѣздный Отець.

ИСХОДЪ.

Изъ темнаго подполья,
 Гдѣ прятался мы,
 Во время своеволья
 Метелистой Зимы,
 На праздникъ богомолья
 Выходимъ мы теперь,
 На вольное раздолье
 Изъ тьмы раскрылась дверь.

И Диво-Голубица,
 Что первая межъ насъ.
 Завѣтная криница,
 Негаснущій алмазъ,
 Сіяетъ намъ—Звѣздца,
 Проходитъ череда,
 И въ каждомъ сердцѣ—птица,
 Во всѣхъ очахъ—звѣзда.

КЪ СЛАДИМЪ-РѢКѢ.

Сладимъ-Рѣка, ты слышишь?
 Я правду говорю:
 Дышу—когда ты дышишь,
 Горю—и я горю.

Лукавнись ты Змѣемъ—
 Змѣнно мы скользимъ,
 Мерцаемъ и вѣмѣемъ,
 Живемъ огнемъ твоимъ.

Отъ вѣка и до вѣка,
 И раньше вѣковъ всѣхъ,
 Твое мы пили млеко,
 Лелѣли твой смѣхъ.

Какъ молнія любилъ я
 До дней моихъ земныхъ,
 Какъ жаворонокъ былъ я,
 Испивши водъ твоихъ.

И былъ звѣдистымъ тигромъ,
 Зеленой былъ змѣей,
 Чтобъ вѣчно—къ новымъ играмъ,
 Чтобъ вѣчно—быть съ тобой.

И я свирѣльникъ нынѣ,
 Сладкимъ.—чтобъ жить, любя,
 Съ тобой журчать въ пустынѣ,
 Пѣвцамъ пропѣть—тебя.

ЖЕНИХЪ.

Женихъ идетъ, Женихъ грядетъ,
 Невѣсту отыскалъ,
 Его дворець—небесный сводъ,
 Его коверъ—зеркальность водъ,
 А башня—глыбы скалъ.

Женихъ пришелъ, Невѣсту взялъ,
 Приданое—Земля,
 Его же знакъ есть цвѣтъкъ алъ,
 Замкнуть въ началѣ всѣхъ началъ,
 Въ движеніи Корабля.

Пришелъ Женихъ, пришелъ Женихъ,
 Невѣста хороша,
 Віка и дни дѣлили ихъ,
 Теперь поемъ мы брачный стихъ,
 Вічаается—Душа.

ЗЛАТОЙ ТКАЧЬ.

У тебя вінецьъ золотой,
 У тебя въ глазахъ—лазурь,
 Надъ глубокою водою
 Ты дышала рожденьемъ бурь.

У тебя вінецьъ золотой,
 Очи—свѣтлый изумрудъ,
 Въ сердцѣ—пламень молодой,
 Въ мысляхъ—горлицы поютъ.

Нашей Утренней Звѣздой,
 Нашимъ Солнцемъ ты рожденъ.
 У тебя вѣнецъ золотой,
 А въ очахъ—мудреный сонъ.

Къ намъ Вечернею Звѣздой,
 Къ намъ Луною ты введенъ.
 У тебя вѣнецъ золотой,
 Вдругъ тебя не молкнетъ звонъ.

Свѣтлый лукъ возьми—и стой,
 Сердце каждаго—какъ лань.
 Ты стрѣлою золотой,
 Ты стрѣлой пѣвучей—рань.

Будь намъ Утренней Звѣздой,
 Солнцемъ жги, и Солнцемъ встань.
 Всѣмъ намъ нуженъ ткачь золотой,
 Чтобъ соткать золотую тканьь.

У тебя вѣнецъ золотой,
 У тебя въ очахъ—намень.
 Надъ Землей и надъ Водой
 Ты поставилъ свой станокъ.

ГУСЛЯРЬ.

Невеликая обида,
 Если кто меня не хвалить,
 У меня зато есть гусли,
 И въ душѣ пость смычокъ.
 Эти гусли—отъ Давида,
 И ужь разъ ладья отчалить,
 Самъ не вѣдаю, вернусь ли,
 Богъ уводить мой челнокъ.

Звонки въ сердцѣ голубиномъ
 Зовы горлица, ихъ журчанье,
 Стрельно ангельское пѣнье,
 Я утѣривать въ себя.
 Духъ владѣть Божьимъ сыномъ,
 Въ каждомъ цвѣткѣ—вѣщанье.
 А меня несутъ теченье
 Тамъ, гдѣ несны ждуть, любви.

Такъ и ждуть и не проходить,
 Отъ Апрѣля и до Мая,
 Чуть посмотрится въ Июнь,
 И опять глядеть въ Апрель.
 И цвѣточко звоны бродятъ,
 Переключка голубая,
 Словно въ птицѣ Гамаюнѣ
 Разыгрался свирѣль.

Разблажились и гуторить,
 Словно море Морю вторить,
 Разыгравшіяся гусли,
 Отъ цвѣтка въ цвѣточку вздохъ.
 И не спорится, не водорять,
 Лишь въ любви любовью спорить,
 Я услышь въ напѣвъ,—вернусь-ли,
 Это вѣдаетъ лишь Богъ.

БЛѢДНЫЙ БРАТЪ.

Блѣдный вымоливалъ братъ:
 Ты чему больно радъ?
 Я сказала: А тому,
 Что теперь все войму.

Блідний вымолвилъ мнѣ:
Цвѣтъ дашь цвѣтъ по веснѣ.
Я отвѣтила: Весна
Мнѣ навѣкъ суждена.

Блідный вымолвилъ братъ:
А зима? А закатъ?
Понялъ я: Братникъ мой,
Ты закатъ мой съ зимой.

Ты былъ я, отошелъ,
Въ Божій кругъ я вошелъ.
И на Божьемъ кругу
Все могу, все могу.

ХОРОВОДЪ.

По надъ прудомъ—прудомъ садъ, вешній садъ.
Бѣлымъ кругомъ свѣачемъ взгляды, всѣ скользятъ.

По за лѣсомъ темный лѣсъ, шепчетъ лѣсъ.
Здѣсь воскресла пѣсня чудесна. Онъ воскресъ.

Подо Луной—Луною дуга, свѣжій дугъ.
Всѣ—со мною, всѣ—за мной, въ быстрый кругъ.

По надъ прудомъ—прудомъ темъ, тамъ темно,
Да по водамъ хоророды тѣшатъ дно.

Такъ ужъ глибоки эти рыбки, всѣ плывутъ.
Здѣсь проблещутъ, тамъ сіяютъ, тутъ зовутъ.

По надъ садомъ—садомъ Ночь, ширь Небесъ.
Миръ зоветъ къ святымъ забавамъ. Онъ воскресъ.

БРАТЯ-СЕСТРЫ.

Братя, Сестры, поради́йте во зеленымъ саду,
Каждый съ сердцемъ, въ каждомъ сердцѣ разожжемъ одну звѣзду.

Въ быстрой смѣнѣ, мы—спѣвники, пляшемъ, вихря не видать,
А спѣвники, зримо взору, восхваляютъ благодать.

Въ ожерелья, мы—какъ пчелы, мы—какъ звѣзды, какъ цвѣты,
Мы, какъ птицы, научились этимъ снамъ—у высоты.

Братя, Сестры, вы умѣйте благодатью повладѣть,
Если золото остынетъ, будетъ тягостная мѣдь.

Братя, золото храните, и чтобъ каждая сестра
Ни дыханьемъ не затмила жемчуговъ и серебра.

Вы коренья золотые не топчите по землѣ,
Вы серебряныя вѣтки чуть качайте въ нижней мглѣ.

И въ воздушные листочки перебросьте вы огни,
Чтобъ, горя, да не сгорая, не осмыслились они.

И въ глазахъ своихъ лепѣйте поцѣлуйныя слова,
Чтобы вѣчнымъ изумрудомъ разстлалась намъ трава.

СВѢТИСЬ, СВѢТИСЬ.

Свѣтись, свѣтись, Иерусалимъ,
Свѣтись, свѣтись, новый,
Мы обѣщали души съ Нимъ,
Вошли въ тайникъ Основы.

Ликуй и веселись, Сионъ,
Ликуй, ликуй, Сионе,
Мы вѣрный поняли законъ,
Мы въ праздникъ и въ званіи.

Свѣтись, свѣтись, моя сестра,
Свѣтись, мой братикъ милый,
Мы были мертвыми вчера,
Мы вышли изъ могилы.

Да воспоемъ какъ сонмы ларя,
Да возгремимъ какъ тучи,
Свѣтись, свѣтись, воскресній міръ,
Воспой—кто сталъ пѣвучій.

РАДУЙСЯ.

Радуйся—Сладимъ-Рѣка, Сладимъ-Рѣка течеть,
Радуйся—въ Сладимъ-Рѣкѣ, въ Сладимъ-Рѣкѣ есть медь,
Радуйся—къ Сладимъ-Рѣкѣ, къ Сладимъ-Рѣкѣ прильнемъ,
Радуйся—съ Сладимъ-Рѣкой мы въ Рай, мы въ Рай войдемъ,
Радуйся—Сладимъ-Рѣка поитъ и кормитъ всѣхъ,
Радуйся—Сладимъ-Рѣка смываетъ всякій грѣхъ,
Радуйся—въ Сладимъ-Рѣкѣ вѣщанье для души,
Радуйся—къ Сладимъ-Рѣкѣ, въ Сладимъ-Рѣкѣ спѣши,
Радуйся—Сладимъ-Рѣка, Сладимъ-Рѣка есть Рай,
Радуйся—въ Сладимъ-Рѣкѣ, Сладимъ-Рѣку вбирай,
Радуйся—Сладимъ-Рѣка, Сладимъ-Рѣка есть медь,
Радуйся—Сладимъ-Рѣка, Сладимъ-Рѣка зоветь.

РАСКРЫТИЕ УЛЫЯ.

Всѣ окна въ нашемъ теремѣ огнемъ озарены,
Цвѣты на каждомъ деревѣ съ лучомъ обручены,
Отмѣтили всѣ двери мы, поставили тайный знакъ,
Теперь, что будетъ въ теремѣ—да будетъ это такъ.

Изъ кладезя глубокаго вода принесена,
 Въ той горницѣ, гдѣ горлицы, святая тишина,
 Гдѣ голуби—какъ проруби, тамъ чудится жерло,
 И страшно такъ, и сладко такъ—что сказано, пришло.
 Что сказано для разума, да будетъ наяву,
 Дремотное—развязано, и дождь съчтетъ траву.
 Листы къ листьямъ, уста къ устами, и тѣло къ тѣлу льветъ,
 И лучъ изъ воды туманъ повесть, какъ тучу, въ Небосводъ.
 А тамъ готова молнія, и льется, за огнемъ,
 Изъ облакъ ведра полныя въ надземный водоемъ.
 Журчить въ високомъ теремѣ всипенный водомеръ.
 Ужели изъ самомъ дѣлѣ мы не вкусимъ сладкій медъ?
 Разъ въ улыбахъ есть обиліе, мы ихъ освободимъ.
 Раскрой, душа, воскрылія! Теки, Рѣка-Сладкая!

ВЗБРАННЫЙ ВОЕВОДА.

Взбранный Воевода нашъ сіяеть високо,
 Взбранный Воевода нашъ нисходитъ глубоко.
 Свѣтлымъ хороводомъ мы ведемъ за нами снѣжкомъ,
 Свѣтлымъ хороводомъ мы радѣемъ свершномъ.
 Взбранный Воевода нашъ просторъ объемлетъ весь,
 Взбранный Воевода нашъ въ кругу сіяеть здѣсь.
 Бѣлымъ хороводомъ мы какъ зѣлды за Луной,
 Бѣлымъ хороводомъ мы горимъ во тьмѣ ночной.
 Взбранный Воевода нашъ растить для насъ цвѣты,
 Взбранный Воевода нашъ воскаждаетъ красоты.
 Вольнымъ хороводомъ мы все посоломъ племъ,
 Вольнымъ хороводомъ мы вѣнокъ ему плетемъ.

САВАОБЪ.

Саваобъ, Саваобъ,
 Отъ високихъ облаковъ,
 Для радѣтелей твоихъ,
 Воздѣлѣй духовный ствухъ,

Чтобы въ кругѣ, какъ на лугѣ,
Увидали мы другъ въ другѣ
Много мысленныхъ дѣтвонъ,
Саваооъ, Саваооъ!

Богъ громовъ, Саваооъ,
Ты надъ вихремъ нашихъ сновъ,
Ускоря голубей,
Духомъ облачнымъ повѣй,
Чтобы въ круженьи бѣломъ, бѣломъ,
Чтобы въ хотѣннхъ смѣломъ, смѣломъ,
Ты сошелъ къ намъ Саваооъ,
Саваооъ, Саваооъ!

ПОГОНЯ.

Чей это топотъ?—Чей это шепотъ?—Чей это свѣтится глазъ?
Кто это въ кругѣ—въ башенной вышѣ—плавнеть и путаетъ насъ?

Чьи это крылья—въ дрожи безсилъя—бьются и снова летять?
Чьи это хоры?—Чьи это взоры?—Чей это блестящій взглядъ?

Чье это слово—вѣчно и ново—въ сердцѣ поеть какъ гроза?
Чьи неотступно—можеть, преступно—смотреть и смотреть глаза?

Кто замѣнился—кто это свизся—въ полный амѣяности жгутъ?
Чьи это кони—бѣлые кони—въ дикой погонѣ—бѣгутъ?

ВЕСЕЛЫЙ РОЙ.

Вся въ вѣнцахъ семигранныхъ, просѣла Сіонъ-Гора.
Въ торжествахъ необманныхъ мы сошлись, мы сошлись. Пора.

Живогласныя трубы намъ поеть о живомъ цвѣткѣ,
И румяныя губы говорятъ о Сладкомъ-Рѣкѣ.

Возсіяли зарницы, и до молній громовъ дошли.
Восплескались птицы, и зашѣли, поютъ вдали.

Ужъ вдали или близко, не узнавъ. Можетъ тутъ, въ крови.
И высоко и низко перелетѣ обойметъ. Лови.

Въ вертоградѣ веселомъ перелетомъ цвѣтокъ цвѣтеть.
И, подобныя пчеламъ, мы рождѣемъ по каплѣ медъ.

Въ вертоградѣ цвѣтушемъ мы съ толпою летимъ вдвоемъ.
И на вихрѣ повидѣмъ мы несомы—и мѣръ песемъ.

ЦАРЬ-ДУХЪ.

Царь Духъ! Царь Духъ! Царь Богъ! Царь Богъ!
Царь Духъ! Царь Богъ! Царь Духъ!
Возьми, прими мой стонъ, мой вдохъ,
Войди какъ звонъ въ мой слухъ!

Ов, Духъ! Ов, Духъ! Царь Богъ! Царь Богъ!
Твой зовъ илжнѣй, чѣмъ пухъ!
Въ меня, какъ дождь, чтобъ умъ не сохъ!
Царь Богъ! Царь Богъ! Царь Духъ!

ГУСЛИ.

Гусли непрестанныя,
Ласково желанныя,
Тышать райскихъ птицъ.
Трубы живогласныя,
Страстныя и властныя,
Манять тѣло вичъ.

Послѣ одиночества,
 Слушая пророчества
 Братьевъ и сестеръ,
 Мы кругообразными
 Тѣшимся соблазнами,
 И сверкаетъ взоръ.

Мы какъ птицы носимся,
 Другъ ко другу просимся,
 Другъ ко другу льнемъ.
 Пляшемъ, разномыслие,
 И рубахи бѣлые
 Какъ мятель кругомъ.

Въ вихрь все ломается,
 Вытесъ, обнимается,
 Буйность безъ конца,
 Посоловъ круженіе,
 Съ Солнцемъ наше мѣніе,
 Солнечны сердца.

О, подобно саванамъ,
 Свѣтитъ эта слава намъ,
 Пляшетъ вертоградъ.
 И какъ Мѣсяцъ блѣдны мы,
 И какъ онъ побѣдны мы,
 Слѣпые—горить.

ВЕРХОВНИЙ ГОСТЬ.

Пресвѣтлый Гость, Верховный Гость,
 Сойди, сойди, сойди!
 Ты насъ таи, мы всё твои,
 Гляди, гляди, гляди!
 Ты насъ храни, а мы огни
 Зажжемъ, зажжемъ, зажжемъ!

Въ живую плоть войди, Господь,
 Огнемъ, огнемъ, огнемъ!
 На свѣтлый лугъ, въ нашу быстрый кругъ
 Сойди, сойди, сойди!
 Ты любь намъ, Гость, Верховный Гость,
 Гляди, гляди, гляди!

ПЛЯСКА ДВУХЪ.

—Я изъ града Вѣтрограда,
 Называюсь „Вѣв“.
 —Я изъ града Цвѣтограда,
 Я „Огонь очей“.
 —Я по граду Вѣтрограду
 Здѣсь, и нѣтъ, вонъ тамъ.
 —Я по граду Цвѣтограду
 Пить даю цвѣтамъ.
 —Я во градѣ Вѣтроградѣ
 Влился, темнота.
 —Я во градѣ Цвѣтоградѣ
 Жду, цвѣтокъ—уста.
 —Я во градѣ Вѣтроградѣ
 Водоемъ возомля.
 —Я во градѣ Цвѣтоградѣ
 Прошу „Люблю“.
 —Я изъ града Вѣтрограда
 Брызну вихремъ струй.
 —Я изъ града Цвѣтограда
 Позову „Цѣлуй“.

Д.А.

Ахъ, Отецъ мой Отецъ—да,
 Ты зиждательный Творецъ—да,
 Приведи меня въ конецъ—да,
 Что въ конецъ всѣхъ сердецъ—да,

Гдѣ игра колоколецъ—да,
 Гдѣ таинственный зарець—да,
 Гдѣ вѣчный свѣтъ колець—да,
 Ты въ азату трубишь трубу—да,
 Пробуждаешь во гробу—да,
 Вольнымъ быть велишь рабу—да,
 Возищаешь вѣкъ судьбу—да,
 Завлекаешь въ ворожбу—да,
 Въ золотую воробку—да,
 Ахъ ты Батюшка святой—да,
 Птица соколъ золотой—да,
 Надъ глубокою водою—да,
 Пролетаешь молодой—да,
 Сердце вдругъ проищишь мечтой—да,
 Окрыляешь Красотой—да,
 Съ птицей мчишься, съ той, и съ той—да.

РАДѢНІЕ.

Дѣти Солнца, въ часъ полвочный,
 Собрались въ игрѣ урочной,
 Слѣтно-дружное вращенье,
 Перекрестности круженья,
 Плотно сложены ряды,
 Мы во имя возрожденія
 Идемъ въ душѣ живой воды.

Жерновъ крутится упорный,
 Бѣлый праздникъ ночью черной,
 Быстро, посолошь стремленье,
 Зѣбды, въ жаждѣ обновленья,
 Прорѣзаютъ такъ туманъ,
 Въ кругѣ, знаменье радѣнья,
 Со святой водою чашь.

Ногъ босыхъ все глуше топотъ,
 Усть сухихъ не слышенъ ропотъ,
 За одной живой стѣною
 Двѣ и три идутъ волною,
 Блвнъ рубахи—сарафана,
 И напѣной тишиною
 Зачарованъ водный чапъ.

Въ глубинѣ явился Кто-то,
 Въ ликѣ свѣтлая дремота,
 Пробуждается въ купели,
 Мы недаромъ адсь радѣли,
 И пропѣли заговоръ,
 Въ вихрѣ слышенъ вонъ свѣрѣли,
 Въ чапѣ темноѣ яркѣ взоръ.

Хороводъ нашъ содрогнулся.
 Съ неземнымъ соприкоснулся,
 Мы истонимъ взяты раемъ,
 Въ пляскѣ мы канемогамъ,
 Мы блѣднѣй, чѣмъ полотно,
 Духъ сошелъ, мы знаемъ, знаемъ,
 Это было суждено.

ВЪ ТАЙНОЙ ГОРНИЦѢ.

Въ тайной горницѣ, гдѣ ваяты души вольныхъ въ нѣжный плѣнъ,
 Свѣчи длинныя сѣютъ ровнымъ пламенемъ вдоль стѣнъ,

Взоръ ко взору устремлялся, сердце въ сердце, разумъ въ умъ,
 Отъ пѣвучихъ думъ рождался, въ пляскѣ тѣлъ, разнѣрный шумъ.

Вскрики, дикѣ какъ буря, какъ въ пустынѣ крикъ орла,
 Душу выжили въ звукахъ, и опять душа свѣтла.

Въ бѣломъ вихрѣ взмахи чувства сладкій відали предѣль,
И вѣчальные наряды были саванами тѣль.

Въ этой пляскѣ иступленной каждый думалъ—про себя,
Но, другими окруженный, вился—сразу всѣхъ любя.

Въ этомъ множественномъ ликѣ, повторилъ стократно изгибъ,
Души плыли, какъ весною—стройный шабашъ свѣтлыхъ рыбъ.

Такъ повторно, такъ узорно, съ хорОВОДОМЪ хорОВОДЪ,
ИЗВИВАЛСЯ, ЛЮБИТЬ СЛИТНО, И, БЕЗУМСТВУЯ, ПЛЫВЕТЪ.

И, проплывъ, осуществилъ весь молитвенный наплывъ,
И въ сердцахъ мужскихъ блаженство, какъ блаженство въ сердцахъ
дѣвъ.

И въ тѣлахъ мужскихъ дрожанье, многострунность въ тѣлѣ женъ,
Это было, жизнь свѣтила, воплотилася яркій сонъ.

И въ тѣлахъ сияють души, каждый дышетъ, свѣтелъ взглядъ,
Въ тайной горняцѣ полночной свѣчи жаркія горятъ.

ТЫ СВѢТИ, СВѢТИ.

Ты свѣти, свѣти, свѣтелъ Мѣсяць-свѣтъ,
Ты свѣти, свѣти, Солнце красное,
Ты цвѣти, свѣти, нашъ садовый цвѣтъ,
Ты мечи лучи, сердце страстное.

Ты звони всѣ дни, колокольный звонъ,
Ты пророчи всю ночь, разумъ царственный,
Обведемъ вокругъ четырехъ сторонъ
Нашъ веселый кругъ свѣтодарственный.

Волны бѣлыхъ снова закрутимъ въ мятель,
 И въ глазахъ гроза будетъ рднная,
 Ты играй намъ Рай, ты воркуй, свирѣль,
 Отъ вина съ Небесъ будь какъ пьяная.

ЧТО ЕСТЬ СВѢТЛЫЕ?

Что есть свѣтлыя пѣнья,
 Свѣтлыя чудотворенья,
 Свѣтлыя, чѣмъ алмазь,
 И чѣмъ Пасхальный часъ?
 Что есть свѣтлыя моленья,
 И солнечнаго зрѣнья,
 Свѣтлыя, чѣмъ медъ и кровь?
 Любовь, любовь.

Въ любви есть звоны пѣнья,
 И свѣтъ чудотворенья,
 И жемчугъ, и алмазь,
 И въ часъ новый часъ.
 Въ любви есть свѣтъ моленья,
 И солнечное зрѣнья,
 Луна, и медъ, и кровь.
 Люби—любовь.

БОЖИИ ПЛОТНИКИ.

Мы плотнички,
 Мы работнички,
 Всѣ работаемъ мы тутъ,
 Надъ Судьбою судимъ судъ,
 Мы вѣдь Божіи,
 Не прохожимъ.

Мы плотнички,
 Мы работнички,
 Мы не ходимъ въ міръ яря,
 За работу—чуть зоря,
 До вечернихъ росъ
 Тешемъ білый тесь.

Мы плотнички,
 Мы работнички,
 Намъ говоръ проворный любъ,
 Мы адсь стронимъ білай срубъ,
 Топоромъ стучимъ,
 Да въ свой духъ глядимъ.

Мы глядимъ на Лѣсъ,
 Въ Морѣ день воскресъ,
 Послужили намъ лѣса,
 Вотъ натянемъ паруса
 На корабль мы свой,
 На корабль живой.

Колн плыть, такъ плыть,
 Новый міръ отырыть,
 Мы постукиваемъ тутъ,
 Стружки словно плыть цѣтутъ,
 Мы плотнички,
 Мы работнички.

СУДИТЬ СУДЬБУ.

Судьба тебя судить,—
 Ты самъ ее суди.
 Судьба тебя вудить,—
 Ты гляди, что впереди

Судьба тебя толкает,—
 Упреди ее толчокъ.
 Судьба набѣгаетъ,—
 А ты въ бокъ прыжокъ.

Судьба гонять насъ любить,—
 На полеть легка.
 Судьба совсѣмъ погубить,—
 Коль придетъ наподтешка.
 А ежели увидить,
 Что умъ ее ждетъ,—
 Судьба насъ не обидеть,
 Возьметъ въ свой полеть.

ТВОРЦАМЪ СНХЪ САДОВЪ.

О, страдатели, насаждатели, о, садовники снхъ садовъ.
 Съ разнородными вамъ породами бой готовится, бой готовъ.

Чуть посѣте сѣмя свѣлое, сѣмя темное тутъ какъ тутъ,
 Чуть посадите стобель крѣпкій вы, травы цѣпкиа здѣсь растутъ.

Чуть посадите цвѣтъ небесный вы, голубой цвѣтокъ, и какъ снѣгъ,
 Чуть посадите вѣжно-алый цвѣтъ, слышенъ тихій шагъ, слышенъ
 бѣгъ.

Надъ цвѣткомъ—часы в тозны минутъ, вотъ подкрался, вотъ бѣгутъ,
 Стерегите ихъ, а не то они всѣхъ на березныхъ стерегутъ.

И когда впадутъ во вниманіе, въ нихъ воздушный звонъ, вѣчный
 цвѣтъ,

И когда впадутъ въ невниманіе, это—вороны, свята бѣда.

Созидатели, насаждатели, вы, садовники снхъ садовъ,
 Цѣпки травы—прочъ, и глядите въ Ночь, тьмы минутъ—дадутъ
 вамъ цвѣтовъ.

КАКЪ ТРАВА.

Человѣкъ на Землѣ
 Какъ трава растетъ.
 Зачинаясь во мглѣ,
 Утра яснаго ждетъ.
 За селомъ возростетъ,
 И цвѣткомъ расцвѣтетъ,
 А въ селѣ—
 Воскъ и медь.

Почему же свѣтла
 Божья служба въ почвѣ?
 Потому что жила
 Здѣсь трава, и пила
 Божій дождь и лучи.

Почему же была
 Свадьба душъ весела,
 Обошеть медь кругомъ?
 Потому что пчела
 Надъ травою была,
 Въ бракъ вошла
 Со цвѣткомъ.

КОРАБЛЬ.

Чтобъ Корабль построишь нашъ,
 Изъ золотыхъ мы пили чашъ,
 Всѣ испили мы, до дна,
 Отъ столярнаго вина.

И пошли во старый боръ,
 Острый выбрали топоръ,
 Твердый выбрали мы дубъ,
 Чтобъ построить вѣрный срубъ.

Свясти вили мы рукой,
И не то что часъ-другой,
И не то что цѣлый годъ,
Сколько-только Богъ сочтетъ.

И для паруса—въ заковь
Быль введенъ небесный лентъ,
И замыслилась, чиста,
Вадутость блага холста.

Вадулся вѣтеръ и подуль,
И пошелъ по Морю гуль,
Вадулся парусъ, задрожалъ,
Теремъ въ Морѣ побѣжалъ.

И чтобъ шелъ корабль легко,
Быль посаженъ глубоко,
Чтобъ легко онъ въ Морѣ шелъ,
Грузъ богатый быль тяжелъ.

Опрокинуться велѣя,
Въ Морѣ—вѣрнѣя стезя.
Чтобъ корабль постронть нашъ,
Изъ златыхъ мы вили чашъ.

ВОЛШЕБНЫЙ КОРАБЛЬ.

По сиему Морю Корабль нашъ плыветь,
Отъ края до края—сіяніе водъ.

Корабль—драгоценный, товары на немъ—
Улада для взора, играють огнемъ.

И хочется многимъ товары купить,
Но Рокъ имъ велѣлъ прихотливыми быть.

Коль скупъ ты, давай немудреную мѣдь,
Но, разъ дешевишься, не будутъ горѣть.

Коль бѣденъ, давай намъ послѣднюю мѣдь,
И будутъ рубиномъ играть и азѣть.

А если обманомъ или силой возьмешь,
Ты вмѣсто сокровищъ—чудовищъ найдешь.

Такъ идемъ мы Моремъ, причалимъ, и идемъ,
Товары волшебнымъ силой огнемъ.

И многіе думаютъ—мы колдуны,
И многіе думаютъ—просто лгуны.

Ни тѣмъ, ни другимъ не сказать ничего,
Мы дива даемъ съ Корабля своего.

Однихъ осчастливимъ, другихъ же смутимъ,
И снова мы въ Морѣ, и снова мы съ нимъ.

Въ безбрежномъ и нѣжномъ кораллы найдемъ,
И много рубиновъ съ кровавымъ огнемъ.

ВѢЩАНЬЕ.

Мы плыли по свѣтлой вечерней водѣ,
Все были свои, и чужого нигдѣ,
А волны дробились въ своей чередѣ.

Живыя оны, голубыя.

Играли мы веслами, чуть шевели,
Далеко, далеко осталась земля,
Бѣлъ Соколъ—название того Корабля.

Родные на немъ, все родные.

Сидѣлъ у руля алатоскій Пророкъ,
И былъ онъ какъ будто совсѣмъ одинокъ,
И страшный внезапно пропѣлъ онъ намекъ.

Морскія въ немъ страсти, морскія.

Годъ скрѣпился, день сосчитанъ, мигъ бѣжить и не вернется,
Часъ назначенъ, въ дикомъ плачѣ словно пылъ замет-
нутся всѣ,

Кто тебѣ казался Богомъ, волколакомъ обернется,
Сорокъ громовъ, водоемовъ, сорокъ молній въ ихъ красѣ.
Бойтесь, бойтесь! Безвозвратно! Ничего ужъ не исправимъ!
Всѣ убитые—возстали. Всѣ задвиненные—тутъ.

Горше всѣхъ лукавствъ убогихъ—что теперь еще лукавить,
А глаза твои—какъ щели, самъ себѣ назначилъ судъ.

Сядешь—пламень, ляжешь—камень, въ пропасть кинешься
—замкнется,

Въ ночь склублишься — сорокъ молній міру выявятъ
уклонъ,

Вся Вселенная смутится, и въ сѣдой клубокъ свернется.
Слышншь громы? Сорокъ громовъ! Падай, падай, осу-
жденъ!

Былъ блѣденъ и страшенъ Пророкъ у руля,
И всѣ мы дрожали, вѣщаньямъ внималя,
И волны качали оплотъ Корабли.

Живыл онѣ, голубыя.

Мы поняли, что онъ хотѣлъ намъ сказать,
О безднѣ скорбѣлъ онъ, скользя черезъ гладь,
Мы въ Свѣтъ, но Бездна должна отстрадать.

Родные грѣхи намъ, родные.

Мы плыли по тихой и свѣтлой водѣ,
 Все было свое, и чужого нигдѣ,
 Молитву мы пѣли Вечерней Звѣздѣ.

Марія! Марія! Марія!

КОРАБЕЛЬЩИКИ.

Будьте тверды въ бурѣ дикой, корабельщики мои,
 Онъ придетъ, кто намъ обѣщанъ въ быстротечномъ бытій.
 Онъ поставитъ мачты крѣпки, паруса несокрушимы,
 Онъ направитъ руль глядящій, онъ провѣзетъ пожаромъ дымы.
 Вспыхнетъ съ нами онъ огнями, какъ комета въ бурной мглѣ,
 Онъ уйдетъ съ нами, между нами, на плывущемъ кораблѣ.
 Броситъ якорь въ добромъ мѣстѣ, какъ дойдемъ къ завѣтнымъ
 дальнѣмъ.
 Корабельщики, онъ съ нами. Мы причалимъ. Мы причалимъ.

ПЛАВАНІЕ.

Какъ по снѣгему по Морю всѣ мы плыли безъ печали,
 Легки вѣтры намъ шумѣли, тихи вѣтры возставали.
 Говорили намъ, шептали, что богатый брегъ вдали,
 И по снѣгему потоку насъ къ Востоку понесли.

Въ снѣгемъ Морѣ съ каждымъ часомъ ярихъ птицы намъ мелькали,
 И невиданныя рыбы островами возникали,
 Мы проплыли три недѣли, счетомъ ровно двадцать дней,
 Мы не вѣли и не ѣли, въ изумленности своей.

Души были въ насъ пѣвучи отъ крылатостей летящихъ,
 Въ ароматахъ были тучи, какъ въ цвѣтущихъ вѣшнихъ чашахъ,
 И отъ радости еныи извергались къ грудамъ рыбъ,
 Но никто межъ нихъ, пловучихъ, изъ пѣвучихъ не погибъ.

Таки мы плыли въ синемъ Морѣ, и проплыли три недѣли,
 Мы отъ рыбъ засеребрились, вмѣстѣ съ птицами мы плыли,
 И когда приплылъ Корабль нашъ на сіяющей Востоку,
 Каждый былъ пѣвучъ, и свѣтелъ, и угадчивъ, и высокъ.

ДУХЪ СВЯТОЙ.

Духъ Святой по синю Морю надъ водою ходитъ,
 Невода шелковый по Морю Духъ Святой заводитъ.

Бѣлу рыбицу онъ ловитъ для садковъ садовыхъ,
 Золотыхъ Онъ манитъ рыбокъ, самъ въ золотыхъ покровѣхъ.

Ходитъ утромъ, ходитъ ночью, ходитъ на разсвѣтѣ,
 Мы довъртѣсь полночью, Духу вѣрѣте, дѣти.

Въ тонкой сѣти мигъ побывши, выйдете изъ Моря,
 Въ садъ предивный вы войдете, свѣтомъ свѣту вторя.

Въ голубыхъ ирудахъ садовыхъ, въ хрусталихъ-омерахъ,
 Поплывете, пробуждая по осокѣ шорохъ.

Въ хороводы ваши глянуть яблони въ расцвѣтѣ,
 Вы не бойтесь, не оковы шелковыя сѣти.

Духъ Святой во грозномъ Морѣ далъ побыть вамъ вволю,
 Разъ беретъ васъ, золотую вновь Онъ дастъ вамъ долю.

ТРУБАЧИ.

По горамъ, по горамъ,
 Трубачи.
 Чу! поютъ и кличутъ намъ.
 Солнце встало, шлетъ луча.

По дугамъ и по лѣсамъ,
 По широкимъ небесамъ.
 Слово рдлые мечи,
 Слово вытянулось въ бой,
 По стреминкѣ голубой,
 Исполнскіе мечи.
 Надъ отшедшей тьмой слѣпой,
 Съ золотой своей трубой
 Встаютъ, кличутъ, трубачи,
 Общаются гулко намъ
 Золотые дятъ ключи
 Къ тѣмъ жемчужнымъ воротамъ,
 За которыми прильнемъ,
 Надъ рубиновымъ путемъ,
 Мы къ невянущимъ цвѣтамъ.
 Такъ вѣщаютъ трубачи,
 По горамъ, по горамъ.

ЕДИНСТВЕННЫЙ.

Лѣсъ забыть. Лишь садъ предъ нами,
 Онъ съ высокими стѣнами.
 Годъ придетъ, и годъ уйдетъ,
 За желтыми вратами
 Здѣсь мы тѣшимся цвѣтами,
 Мы мудреными замками
 Собрали чуждымъ входъ,
 Братья наши—вѣчно съ вами,
 Сестры наши—здѣсь, предъ нами,
 Пѣны чаши за пирами,
 Но чего-то сердце ждетъ.
 Онъ за дальними морями,
 Онъ, Единственный, не съ нами,
 Онъ надъ бездной вѣчныхъ водъ.
 Мы здѣсь вѣжимся струнами,

Мы адісь ходимъ подъ стінами,
 Онъ надъ вѣчными волнами,
 Онъ надъ пропастью идетъ.
 Спорить съ вѣтромъ и съ громами,
 Вихрь уводитъ въ вышній сводъ,
 Громъ предъ нимъ надъ кораблями
 Съ святой молніей не падеть.
 Мраку свѣтитъ онъ глазами,
 Умъ оцѣтъ голосами
 И взвѣсть въ живой полетъ.
 Тотъ, кто стонетъ, адісь онъ, въ храмѣ.
 Буря спитъ за облаками,
 Но чего-то сердце ждетъ.
 Онъ, Единственный, не съ нами,
 Онъ ушелъ за жемчугами,
 Ходитъ Моремъ, островами,
 Опускаетъ въ бездну лотъ,
 Шлетъ поклонъ намъ съ журавлями,
 Ищетъ днями и ночами,
 Онъ найдетъ,
 Онъ придетъ.

ТОСКА ДАЛЕКИХЪ.

Я былъ далеко отъ своихъ,
 И сильно они тосковали,
 И слезы горячія ихъ
 Миѣ ноги мои обжигали.

Тѣ слезы, что пали изъ глазъ.
 Земля приняла въ подземелья,
 И вотъ, черезъ время и часъ,
 Возникли ихъ тайныя вѣля.

Однѣ, проходя подѣ Луной,
 Я слышала— Земля говорила,
 Со мной, вокругъ меня, подо мной
 Дышала горячая сила.

Какъ будто по каплямъ смолы
 Ступала я—и шла изумленный,
 И травы качались въ мглы,
 Всѣ стебли—съ росой посребренной.

И чуть я ко стеблю прилну,
 Я вѣдаю, чьи это очи
 Восприпали слезъ пелену,
 И чуть между нами короче.

И чуть я ступаю по Землѣ,
 Кого-то люблю я сильнѣе,
 Цвѣты расцвѣтають во мглѣ,
 Цвѣты раскрываются рдѣи.

И каждый душистый цвѣтокъ,
 Луной предо мной осенний,
 Миѣ съ именемъ шепчетъ намекъ,
 И дышитъ, и дышитъ желанный.

ПРОРОКЪ.

Нашъ Пророкъ неложно святъ,
 Райски трубы намъ трубятъ.
 Прежде чѣмъ жить свой ликъ,
 Къ Райскимъ водамъ онъ приникъ.
 Прежде чѣмъ насъ въ садъ онъ ввелъ,
 Всю Вселенную прошелъ.
 Прежде чѣмъ намъ далъ цвѣтовъ,
 Вникъ онъ въ книгу Родословъ.

Прежде чѣмъ сошелъ къ намъ съ кручь,
 Слышалъ голосъ вышнихъ тучъ.
 Былъ Илья онъ, былъ Эвохъ,
 Съ нимъ бесѣдовалъ самъ Богъ.
 Былъ пресвѣтлый Исусъ,
 Больше молвить не рѣшусь.
 Все ли надо возвѣщать?
 На отрадахъ есть печать.
 Все ли нужно возвѣщать?
 Есть жемчужная печать.
 Только молвою, нашъ Пророкъ,
 Какъ колодезь, онъ глубокъ.
 На Седьмомъ онъ Небѣ былъ,
 Тамъ исполнилъ Небесныхъ силъ.
 Гроной тучей возгремѣлъ,
 Къ намъ сошелъ какъ голубь бѣлъ.
 Онъ при свѣтѣ ярыхъ свѣчъ
 Зерна далъ, держалъ къ намъ рѣчь.
 Онъ подъ звонъ земныхъ кадилъ
 Сущій хлѣбъ для насъ взростилъ.
 Далъ намъ медъ, и ввелъ насъ въ садъ,
 Въ изумрудный Вертоградъ.
 Въ садъ довелъ насъ изъ пустынь.
 Всѣмъ цвѣтамъ поклонъ. Аминь.

ЛОВЦЫ.

Сотворилъ Господь пресвѣтлый Ангеловъ Себѣ,
 Далъ имъ мощь, да будутъ звѣзды въ сказанной борѣбѣ.

Онъ низвелъ съ Небесъ высокихъ свѣточъ золотой,
 Повезѣлъ, чтобы вселился въ тѣло духъ Святой.

Выбиралъ для рыбъ глубинныхъ—мудрыхъ Онъ ловцовъ,
 Между рыбаей безбѣдныхъ—блѣдныхъ береговъ.

Между бѣдныхъ, но побѣдныхъ—и безбѣдныхъ тѣмъ,
Ибо кто собой владѣеть, тотъ владѣеть всѣмъ.

И недаромъ частый неводъ шелъ во всѣ концы,
Тѣхъ, кто любить, уловляли вѣще ловимъ.

Уловивши рыбъ глубинныхъ, не стубили ихъ,
Но спасли отъ паутиныхъ ковъ и копей азмъ.

И съ улыбкой каждый рыбарь вѣялъ надъ водой,
Съ высоты Небесъ испавшей, вербой золотой.

ВОТЪ.

Вотъ они, живыя,
Мирныя отрады.
Свѣчи восковыя,
Алма лампады.

Тихія иконы,
Тихій звонъ каддила,
Вѣрность обороны.
Было-ль то, что было?

Мы ли это, мы ли,
Въ ужасахъ венчаній,
Призраками были,
Криками терзаній?

Тѣ же ли мы сами,
Что безъ думъ о Богѣ,
Шли въ ночахъ лѣсами,
По глухой дорогѣ?

Тѣ же ли мы сами,
 Что некогда играли,
 А теперь—во храмѣ,
 А теперь—въ хорахъ?

Тихія моления,
 Тихій звонъ кадила,
 Радость всепрощенья.
 Было-ль то, что было?

СЛАВА.

Слава святой,
 Золотой,
 И серебряной,
 Мѣдно-железной,
 Скрипѣ, блюдущей надъ зыбкою бездной,—
 Твердой—надъ шаткой водой,—
 Твердо-алмазной,
 Единосущной—надъ разной,
 Многообразною смутой,—
 Вѣчной—надъ быстрой минутой,—
 Зрящей,
 Тысячеюкой—
 Надъ ночью глубокой,
 Спящей,—
 Животворящей,
 И нераздельной,
 Цѣльной какъ ликъ корабельный,
 Который вѣтки вѣковъ,
 Нынѣ и присно, всегда,
 Надъ пропастью темныхъ валовъ,
 Въ пустыні, гдѣ ропщетъ вода,
 Въ кипящей рѣкѣ безпредѣльной,
 Плыветъ, а надъ нимъ—Звѣзда.
 Слава—насъ крѣпко хранящей,

Троицъ животворящей,
 Быстро какъ птица, насъ мчащей
 Въ жемчужность садовъ изъ пустынь,
 Во вѣки вѣковъ. Аминь.

КРАСНОЕ КРЫЛЬЦО.

Поставь меня, Отецъ, на красное крыльцо.
 Сиянемъ озаря поднятое лицо,
 Отецъ, я сохранилъ, мнѣ данное, кольцо.

Поставь меня, Отецъ, на красный свой крылецъ,
 Отецъ, благослови смарагдовый вѣнецъ,
 Я самъ его надѣлъ,—мнѣ можно такъ, Отецъ?

Я больше не уйду отъ красного крыльца,
 Тебѣ начала нѣтъ, и нѣтъ тебѣ конца,
 Отецъ, твой смѣхъ пришелъ, твой смѣхъ пришелъ Отца.

ИРМОСЬ.

Прошли мы сквозь Черное море,
 Надъ Краснымъ взошли на утесъ,
 И съ снѣгомъ сиянемъ во взорѣ
 Поемъ благодарный ирмосъ.

Въ расплавленныхъ безднахъ червонца,
 Что нашихъ враговъ потопилъ,
 Возникло багряное Солнце
 Надъ влагой несчетныхъ могилъ.

Узоромъ лѣснымъ освѣщенный,
 Алѣтеъ великій утесъ,
 Цвѣты надъ пучиной бездонной
 Господь благосклонно вознесъ.

Мольбой, ликованіемъ звона
 Восхваляемъ всеяльную Длань,
 Затѣмъ что нашъ духъ, какъ Іона,
 Не отданъ чудовищамъ въ даль.

Затѣмъ что мы всё не спорили,
 Хотя были въ палящей печи,
 Затѣмъ что играютъ свирѣли,
 И красные рдѣютъ лучи.

ТРИ ОКНА.

Въ Великомъ Домѣ три окна,
 Тривѣтна каждая стѣна,
 Но та хоромина—одна.

Коль ты восхочешь словъ живыхъ,
 Въ себѣ, въ сестрѣ, и въ Мирѣ—ихъ
 Найди, и пой жемчужный стихъ.

Одно окно есть вышина,
 Окно другое—глубина,
 А третье—жизнь, а жизнь—Весна.

ЧЕТЫРЕ СТѢНЫ.

Четыре стѣны, и на каждой стѣнѣ
 Здѣсь по три округлости видится мнѣ,
 По три окна въ вышнѣ.

На Сѣверъ, Закатъ, на Востокъ, и на Югъ,
 Все тотъ же, очерченный правильно, кругъ,
 Троицность выгнутыхъ дугъ.

Вотъ бѣлыя лядяности, дремяющій снѣгъ,
 Утихнувшихъ водъ прекратившійся бѣгъ,
 Радость безтрепетныхъ нѣгъ.

Вотъ маки кровавые, трижды жерло,
 Желанье къ желанью, узивно-свѣтло,
 Страстно такъ, красно, тепло.

Вотъ нѣжность, три круглыхъ жемчужныхъ шита,
 Въ мерцаніяхъ дружныхъ вражда, красота,
 Жаждутъ и страждутъ уста.

Вотъ три изумруда, сіяющій лугъ,
 Три луга и бѣлыя птицы вокругъ,
 Югъ восклицаютъ, на Югъ.

ПЯТЬ СВѢЧЪ.

Дикирій и трикирій,
 Пять свѣчъ—до смерти съ нами.
 Пока мы бродимъ въ мірѣ,
 Нашъ путь—съ пятью свѣчами.

Конецъ, начало, Вѣчность,
 О, троичность святая,
 Начальная есть млечность,
 И млечность—свѣтность Рая.

Съ одра встаетъ каліка,
 Ведетъ его дорога
 Отъ Богочеловѣка
 До Человѣкобога.

Ризиды, опахала
 Изъ перія павлина,
 Хранять его начало,
 Отець нашъ добръ для Сына.

И таинство пречистыхъ
 Несчетныхъ Евхаристій
 Отъ радугъ тѣхъ перистыхъ
 Стократно золотистій.

Когда же Серафимы
 Пронѣютъ надъ дарами,
 Въ молитвенные дыммы
 Восходимъ мы свѣчами.

И служить слухъ и зрѣнье,
 Конецъ и Вѣчность съ вами,
 Въ скончанья — возрожденье,
 Всѣ звѣзды за свѣчами.

ЖЕРТВЕННИКЪ.

Жертвенникъ. Чаша на немъ и звѣздца.
 Свѣтъ, остріе копія.
 Духомъ я вижу пресвѣтлыя лица,—
 Край, и безкрайность моя.

Въ этомъ алатомъ и узорномъ потирѣ
 Кровь превратилась въ вино.
 Свѣтъ копія не напрасенъ былъ въ мірѣ,
 Таинство дней свершено.

Былъ Владеемъ. Золотая страница.
 Кончилась—тамъ, на Крестѣ.
 Въ мірѣ же свѣтитъ и свѣтитъ звѣздца,
 Манитъ, дрожитъ въ высотѣ.

Вотъ, коніе просфору пропизало,
 Жертвенникъ ждетъ въ алтарѣ.
 Къ Солнцу—что было адѣсь было и ало,
 Въ вѣчной восходитъ зарѣ.

ХЛѢБЫ, ПШЕНИЦА, ВИНО, И ЕЛЕЙ.

Хлѣбы, пшеница, вино, и елей,
 Вотъ она, тутъ.
 Силы живыя Небесныхъ зыбей
 Голубя свѣютъ,—топны голубей
 Къ дару земному
 Легко прильнуть,
 Внемая, въ безгласности, тайному грому,
 Молніямъ радуясь, и дождевому
 Току, дающему намъ наурудъ,
 Зная и слыша, что Дальній—вотъ тутъ.

ЛИТУРГІЯ ВЪ ЛИТУРГІИ.

Свѣтильники, кадильницы, моленія, и звонъ.
 Цвѣты, и птичье пѣніе, трава, и небосклонъ.

Деревья съ ароматами ихъ тайностей, ихъ сновъ,
 Всѣ чувства съ ихъ возвратами въ размычивость пировъ.

При яркомъ свѣтѣ солнечномъ—свѣтильникъ восковой,
 При сладкомъ духѣ яблони—кадильницъ духъ живой.

При свѣломъ дымѣ яблочномъ—кадильницъ снѣгъ дымъ,
 Глядѣть на насъ Небесные—и мы на нихъ глядимъ.

Поют въ вѣтвяхъ крылатыхъ—и тутъ толпы поютъ,
Уютно тамъ—въ вершинностяхъ, въ долинахъ здѣсь—уютъ.

И свадьба ли свершается, молебень ли мечты,
Хвалебень гласъ молитвенный, хвалебны всѣ цвѣты.

ПЕРВЫЙ СПАСЬ.

Яблоки, орѣхи, медъ,
Это—первый Спасъ.
Сколько сладости течеть,
Сколько свѣжихъ вѣжныхъ водъ,
Сколько ядеръ лѣсъ даетъ,—
Все для насъ.

Яблонь бѣлая, въ цвѣту,
Усладила пчелъ.
Сколько пѣній палету,
Сколько блесковъ, не сочу,
Миръ весною въ Красоту
Весь вошелъ.

Если-жъ Осень подошла,
Копчень путь Весны,
Радость первая свѣтла.
Лѣто—жарче. Страсть пришла.
Виделъ весь узоръ ула.
Дышать сны.

Зрѣть все. Осенній часъ.
Яблокъ—плодъ живой.
Прежде всѣхъ плѣнилъ онъ насъ,
Ядра съ нимъ—въ числѣ прикрасъ,
Медъ. Какъ сладокъ первый Спасъ,
И второй.

ВО САДУ.

Во саду—саду зеленомъ
 Изстари—богато.
 Тамъ ключи журчатъ со звономъ,
 Встанеть все, что смято.
 Яблонь бѣлая дышала,
 Сердцу было больно.
 Въ сердцѣ было: „Мало! Мало!“
 Богъ сказалъ: „Довольно“.

Во саду—саду зеленомъ
 Сердце мы сдержали.
 Проходили мы по склонамъ,
 И несли скрижали.
 Сладки яблочки собирали,
 Рдннлось чудо.
 Красны яблочки мы клали
 На золотое блюдо.

Во саду—саду зеленомъ
 Елескъ мы громоздили.
 Предъ снѣжащимъ вѣтромъ
 Цвѣтъ былъ въ новой силѣ.
 Наше Солнце было ало,
 Къ Богу шло вольно:
 „Вотъ возьми! Прости, что мало!“
 Богъ шепнулъ: „Довольно“.

ВЪ ТЕРЕМѢ ВЫСОКОМЪ.

- Что тамъ въ теремѣ высокомъ непонятно говорить?
- Потвенно говорить тамъ, волю Божию творить.
- Что тамъ въ теремѣ высокомъ, бѣлы звѣзды или цвѣты?
- Если любишь бѣлы звѣзды, такъ входи туда и ты.

- А коль я люблю не звады, а прѣточекъ голубой?
 — Все есть въ теремѣ высокомъ, тамъ и сонъ вчерашній твой.
 — Что же въ теремѣ высокомъ, что я буду говорить?
 — Все узнаешь, знай лишь сердце волю Божию творить.

ОТЪ НЕБА КЪ НЕБУ.

Въ сонмахъ Восточныхъ
 Дальнихъ Небесъ,
 Въ мигахъ урочныхъ,
 Въ звеньяхъ чудесъ,
 Былъ я, ходилъ я,
 Меда вкусилъ я,
 Свѣта испилъ я,
 Снова исчезъ.

Но не на Землю
 Вновь я ушелъ,
 Вышнему внемлю,
 Былъ мнѣ глаголъ.
 Есть безтѣлесны,
 Выси чудесны,
 Круги Небесны,
 Въ нихъ я вошелъ.

Тамъ, безъ скончанья,
 Свѣты для всѣхъ,
 Нѣтъ тамъ вѣчанья,
 Лишній тамъ смѣхъ.
 Смѣхъ—наше зелье,
 Въ немъ есть похмѣлье,
 Тамъ же веселье
 Вѣчныхъ утѣхъ.

Въ тихой и священной
 Сказкѣ побывъ,
 Нивяъ, что алмазный
 Путь есть красивъ,
 Сталь я вѣдаю,
 Паль надъ водою,
 Мысль съ молодою
 Кровию сливъ.

Въ темныя ночи,
 Въ тайность вступилъ,
 Вывѣдизль очи
 Вѣянемъ силъ.
 Вновь на Землѣ я,
 Радуюсь, млія,
 На Кораблѣ я
 Буду, какъ былъ.

ЗАКЛІЯТІЕ.

Ня отцу, ня матери, ня племени, ня роду
 Тайное души своей ты не предавай.
 Кто не сопрічислался духомъ къ Хороводу,
 Пусть въ своемъ скитается. Вольныхъ не замай.

Разному нѣтъ слитіи. Да будетъ. Общаюсь.
 Если же повѣдаю, что внутренно, во вѣѣ,
 Всей Землей отринутой, вгдѣ да не вмѣщаюсь,
 Солнцемъ опрокинутый, да таю на огнѣ.

ВЪ ЧЕРТОГѢ.

Долго, дланн и ноцями,
 По таинственной дорогѣ,
 Многосложными путями
 Я въ святомъ блуждалъ Чертогѣ.

Въ зѣму, днями и вѣчами,
 Проходя законы строга,
 Я съ духовными свѣчами
 Былъ во внутреннемъ Чертогѣ.
 Въ лѣто, днями и вѣчами,
 Возлюбивъ расцвѣты многа,
 Я закрытыми очами
 Всѣ богатства зрѣлъ въ Чертогѣ.

И теперь я не въ гаданья
 Зрю, но въ самомъ откровенья,
 Я въ негаснущемъ сіянья,
 Въ безконечномъ восхожденья.
 И теперь я не въ гаданья
 О мірскомъ предназначенья,
 Я въ великомъ ожиданья,
 Въ вѣчно-новомъ восхожденья.
 И гадаю—не въ гаданья—
 Я угадываю въ плѣны,
 Во вселенскомъ и сіянья,
 Во всемірномъ восхожденья.

СЕРЕБРЯНЫЙ ТЕРЕМЪ.

Теперь, какъ постигъ я тончайшую мудрость всего,
 Хочу я пожить на Землѣ осторожно,
 Чтобъ могъ я во всемъ озвѣднуть Вещество,
 Отъ ала уклоняюсь—какъ только возможно,
 И выше сего,
 Лишь то противъ воли своей принимаю,
 Что воля означаетъ: „Сіе—непредложно“.
 И волю дыханьемъ духовнаго Мая
 Настолько цвѣтя,
 Настолько ея существо умножая,

Чтобъ даже сама,
 Для насъ непреложная, Вѣдма-Зима,
 Блести,
 Царицей-Зимою содѣлалась намъ,
 Просвѣтленной,
 Въ мятели—свербли, и зовъ по струнамъ,
 Серебряный теремъ звенувшимъ цвѣтамъ,
 Съ густой бахромой оснѣженной,
 И будто бы смерть на минутку—а тамъ,
 За часомъ, надъ часомъ, высокой, бездонной,
 Идущій въ начальность, вѣздящійся Храмъ.

СТИХЪ ВЕЧЕРНІЙ.

На зарѣ, зарѣ вечерней,
 Полночлѣтій, равномерній,
 Золота труба трубила,
 Говорила для своихъ,
 И дрожала въ сердцѣ сила,
 Многострунный рѣзалъ стихъ.

Въ Небѣ хлопья свѣтлыхъ дымовъ,
 Слово крылья Херувимовъ,
 Распѣвался озаренно,
 Обнимали небоскловъ,
 И качался повторенно
 Въ тихихъ вѣтрахъ долгій звонъ.

Послѣ утра золотого
 Пламень дня расплавленъ снова,
 И въ небесномъ вышнемъ храмѣ
 Засвѣтлалась зеркала,
 Въ золотой широкой рамѣ
 Тишь вечерняя свѣтла.

ИКОНОСТАСЬ.

На моемъ иконостасѣ—Солнце, Звѣзды, и Луна,
 Колосъ, цвѣтъ въ расцвѣтномъ часѣ, и красивая Жена,
 Облеченная въ свѣтила, въ сочетаньи ихъ таломъ,
 Какъ когда-то въ мірѣ было въ ночь предъ первымъ нашимъ днемъ.

А еще въ плодахъ дерева красить мой иконостасъ,
 Ширь пустынь, ключи, кочевья, звѣздосвѣтность ждущихъ глазъ,
 Несмолкающая птица, блескъ негаснущихъ огней,
 И пресвѣтлая Дѣвица, лучъ послѣднихъ нашихъ дней.

ПРОТИВОГЛАСНИКИ.

Эти звоны, антифоны, въ царствіи Твоемъ,
 То на правомъ, то на лѣвомъ клиросѣ поемъ.

Клиросъ—крылосъ, но-простому назовемъ его,
 Тутъ—обилье, это—крылья духа Твоего.

Два ихъ, два ихъ, влѣво, вправо, царственный полетъ,
 Въ насъ—Твоя святая слава, голосъ Твоей поетъ.

Раннимъ утромъ духъ восходить въ высь по степенямъ,
 Вправо, влѣво, ходитъ, бродитъ, водитъ путь по днямъ.

То влѣво, полный гнѣва, рдѣный отъ страстей,
 То направо, незукано ищетъ чти Твоей.

Всходы лѣстницъ, въ той дорогѣ, разные всегда,
 То обрывны, то отлоги, всходить череда.

Все же всходить, путь находить череда молитвъ,
 Въ двоегласьи, въ двоечасьи битвъ, смертей, ловитъ.

И отъ влостя насъ борють страсти, тьма—ихъ счетъ,
Но во всѣхъ—Твоя есть воля, голосъ Твой поетъ.

Мы—уклоны, мы—ямьоны, все, что хочешь Ты,
Въ безднахъ бродимъ, но восходимъ—къ безднамъ Высоты.

СВѢТЕ ТИХІЙ.

Свѣте тихій пречистыя славы негасимыхъ сіяній Отца,
Свѣте тихій, сіяй намъ, сіяй намъ, Свѣте тихій, сіяй безъ конца.
Мы пришли до закатнаго Солнца, свѣтъ вечерній увидѣли мы,
Свѣте тихій, сіяй намъ, сіяй намъ, надъ великимъ разлитіемъ тьмы,
Свѣтъ вечерній увидѣвъ, поемъ мы—Мать и Сына и Духа-Отца,
Свѣте тихій, ты жизнь даровалъ намъ, Свѣте тихій, сіяй безъ конца.
Ты во всѣ времена есть достоинъ въ преподобныхъ хваленіяхъ
быть,

Свѣте тихій, сіяй намъ, сіяй намъ, научи насъ въ сіяньяхъ любить.
Свѣте тихій, весь міръ тебя славить, ты, сіяя, нисходишь въ псалмы,
Ты спокойная радуга міра, надъ великимъ разлитіемъ тьмы.
Свѣте тихій, закатное Солнце, свѣтъ вечерній дневнаго Отца,
Свѣте тихій, сіяй намъ чрезъ ночи, Свѣте тихій, сіяй безъ конца.

ПАНАГІЯ.

О, Марія, ты—Стихія,
Ты—волна съ пѣнцомъ изъ пѣны!
Ты—сіянья золотыя,
Что въ Эдемѣ красить стѣны!
Согрѣвая, ты—живая,
Какъ просторъ Небесъ окружный!
Ты—молитва голубая,
Ликъ съ оцравой жемчужной!
Ночью темной, водоемной,
Наливающей планеты,

Ты есть пламень незыблемый,
 Намъ вѣдѣны дающій свѣты!
 Ночью темной, водоемной,
 Паливающей совѣзды,
 Ты—часовни миръ укромный,
 Путь прощенья въ тѣмѣ возмездья!
 О, Марія, въ зныи злыи
 Радость Малъ голубяи!
 Сердцу міра—сны златые,
 Панагія, Всесвятая!

КЪ ДѢВѢ МАРІИ.

Дѣва Марія,
 Море-Стихія,
 Чистая совѣсть-душа.
 Будешь ли съ нами?
 Будь съ голубяи,
 Ты какъ разсвѣтъ хороша.

Съ огненной хотѣю,
 Съ Марою-плотью
 Много намъ было хлопотъ.
 Дѣва Марія,
 Въ областяхъ Змія,
 Свѣтишь ты въ пропасти водъ.

Мароу не кишемъ,
 Мы не остынемъ,
 Рядность мы любимъ всегда.
 Дѣвѣ Маріи
 То не впервые,
 Знаеть, горитъ какъ Звѣзда.

Сидитъ съ зарею,
 Съ жаркой сестрою
 Вѣкъ нераздѣльна она.
 Для ожидаетъ,
 Видитъ, и таетъ,
 Будеть—какъ будетъ нужна.

Днемъ востонимся,
 Днемъ запылимся,
 Вечерь насъ будетъ пугать.
 Тутъ-то насъ встрѣтитъ,
 Тутъ насъ привѣтитъ
 Нѣжная юная Мать.

Будеть лелѣять,
 Будеть намъ вѣять
 Сномъ надъ глубокой водой.
 Пристанью станеть,
 Жемчугомъ глянеть,
 Яркой Вечерней Звѣдой.

Матерь и Дѣва,
 Въ вихрь напѣва
 Мы погружаемся въ Ночь.
 Дѣва Марія,
 Море-Стахія,
 Тихаго, Вѣчнаго Дочь.

МАРФА И МАРІЯ.

— Марія, Марія,
 Ты правнисься больше Ему.
 Очи твои—голубыя,
 А мол—затаянн тьму.

Волны волосъ у тебя золотыя,
 А пряди мои словно черныя вѣи сошли
 До самой земли,
 Какъ черныя вѣи,
 Не подниму.
 Марія, Марія, бѣже ты водной лилей,
 Ты какъ серія новолунній свѣтла,
 У меня въ волосахъ, въ нихъ раскидистомъ мракѣ,
 Лишь сонные,
 Словно углемъ всегда оваренные,
 Красные маки,
 И я смугла.
 Марія, Марія, идти ли мнѣ нинѣ въ пустыни,
 Взгляни въ мое сердце, увидишь, какъ я терплю.
 Сестра, ты прозрачна, ты ближе къ небесной святинѣ,
 Но вѣдь я же Его люблю.
 — О, Марса, сестра моя, черный алмазь драгоценный,
 Не плачь и не жалуйся, пышный факель ночной,
 Ты пылающій пламень надъ зыбью морей переменной,
 Ты костеръ въ непроглядной ночи,
 Ты бросаешь въ тревогу ночную лучи,
 Въ тотъ таинственный часъ, какъ надъ влагою пѣнной
 Солнце уснуло съ Луной.
 Ты смотришь сейчасъ,
 Какъ будто не вѣря,
 Хоть вѣрить желая,
 Силъ всюю силою, черный алмазь,
 Не будь тебя въ мѣрѣ, была бы чрезмѣрна потеря.
 Сестра молодая,
 Ты любишь, ты знаешь, люблю ли, и любить Онъ насъ,
 Но обѣ мы свѣтимъ, о вѣрь мнѣ, не знаю,
 Кто больше желаненъ Ему.
 Сестра дорогая, къ чему
 Намъ знать это? Лишь бы, Пресвѣтлѣй, любилъ Онъ,
 И нами, и нами обрадованъ былъ Онъ,
 И можетъ быть, любить Онъ насъ—наравнѣ.

Сестра, ты дрожишь, ты прикалась ко мнѣ,
 Ты сівешь въ мои голубые глаза,
 Что коврами узорными,—
 Какъ гроза,—
 Ты своими вѣсния-черными
 Всю покрыла меня волосами.
 Сестра, ты дрожишь, какъ лоза,
 Прерывисто дышишь.
 Ты слышишь?
 Онъ съ нами!

ВЪ ПОЛЯХЪ ГОЛУБЫХЪ.

Ходила Дѣва по чистому полю,
 Не въ зеленыхъ поляхъ, въ голубыхъ.
 Гуляла въ поляхъ, нагулялася вволю,
 И запѣла пѣвучій стихъ.
 И запѣла, и были глубоки намеки,
 Что сложились въ тѣ звѣздныя строки.
 А навстрѣчу идетъ къ ней Христовъ пророкъ,
 Привлеченъ осенностью строкъ.
 „Что ходишь ты, Дѣва, по чистому полю?
 О чемъ ты поешь свой стихъ?“
 „— Я Сына ищу, и завѣтную долю.
 Гдѣ Сынъ?“ — „Здѣсь, въ поляхъ голубыхъ.
 Ты дальше иди, о, помчица Дѣва,
 Три древа увидишь, три древа.
 И древо одно—кипарисовое,
 Другое же древо—ависовое,
 А третье еще—барбарисовое.
 Изъ трехъ этихъ дровъ есть построенный храмъ,
 Три птицы поютъ нѣсни райскія тамъ,
 „Аллалуйя!“ поютъ, „Аллалуйя!“ поютъ.

Смыъ сидятъ въ высотѣ. Травы нѣжно цвѣтуть.
 Голубыя оны,
 Словно Море кругомъ.
 Смыъ сидятъ на престолахъ своемъ золотомъ,
 Золотые и синіе всюду огни.
 Ночи въ черныхъ одеждахъ къ престолу идутъ.
 И подходятъ румяные дни.
 И цвѣты, наклоняся, цвѣтуть.
 Словно сильнее Море кругомъ.
 Онъ насъ ждетъ осенній". — „Идемъ!"

ДѢВА.

Дѣва днесъ высочайшаго,—
 Изъ колодца воды вчерашнѣвъ, изъ колодца мировъ глубочайшаго,—
 Намъ рождаетъ,—Его,
 Въ безднѣхъ безднѣ—одного,
 Намъ нельзя безъ кого,
 Возлюбившаго насъ и сладчайшаго.
 „Дѣва, Дѣва", поетъ вышина,
 Не Жена,
 „Дѣва, Дѣва", отвѣтствуя, кличетъ вертепъ,
 И искрывается ледъ, содрогается склепъ,
 „Дѣва, Дѣва", Весна надъ пустыней снѣговъ,
 Знаменья шествуютъ,
 Ангелы пѣсню поютъ межъ скудныхъ благихъ настуховъ,
 Волхвы со Звѣдой путешествуютъ,
 Несутъ умищенья въ ларцахъ,
 Изъ нихъ благовонный вздохъ,
 Сіяетъ Звѣзда въ Небесахъ,
 Ничего намъ больше не надо,
 Родися намъ дитятко младо,
 Родися прелѣчный Богъ.

БОЖІЙ ДРУЖОКЪ.

— Богу милое дитя,
 Что живетъ, звѣздой блестя,
 Богу миленькій дружокъ,
 Онъ куда всегда бѣжитъ?
 За моря, или въ лѣсокъ?
 — Нѣтъ, во ясляхъ онъ лежитъ.
 И хоть міръ прошелъ онъ весь,
 Онъ сбѣтается съ нами здѣсь.
 — Но куда жъ сейчасъ ушелъ?
 И куда же онъ забрелъ?
 — Онъ въ вертены заходилъ,
 Тамъ родился звонъ надилъ.
 Глазеть въ нищенскій онъ домъ,
 Домъ горитъ золотымъ огнемъ.
 Онъ къ разбойникамъ зайдетъ,
 Ангель въ сердцѣ зломъ постъ.
 И хоть міръ прошелъ онъ весь,
 Вотъ онъ въ сердцѣ, вотъ онъ здѣсь.

КРЕЩЕНІЕ.

Мы крестились Христомъ,
 Мы крестились крестомъ,
 Обвитымъ звѣздами, цвѣтами.
 Мы крестились Водой,
 Навсегда молодой,
 Мы крестились Огнемъ.
 Часомъ ночи и днемъ,
 Мы за Солнцемъ идемъ,
 И звѣздами.
 Мы въ Христа облеклись,

Мы какъ свѣчи зажглись,
 Въ Пасхальномъ сіяющемъ храмѣ.
 Мы возникли какъ звонъ
 Въ аллилуйѣ времянь,
 Серафимы—въ одномъ,
 Херувимы—въ другомъ,
 Мы съ Христомъ, онъ во всемъ,
 Со звѣздами.

ПРОСТИ.

Прости меня, Небо съ Землею, и Солнце, и Мѣсяцъ и Звѣзды,
 Простите вы, горы, и доли, озера, лѣса, и поля,
 Воздушныя птицы, простите, коль ваши увидѣлъ я гнѣды,
 Простите, травники, бродилъ я, былинки ногой шевелю.

Простите вы, звѣри лѣсные, что васъ я тревожилъ по чащѣ,
 Простите вы, рыбы, что васъ я, рѣкой проплывалъ, пугалъ,
 Мы были когда-то всё вмѣстѣ, а нѣ этотъ нашъ мигъ настоящій
 Разъяты мы рознью, какъ страны—подъятемъ занутаныхъ скалъ.

Простите меня, цвѣтокрылки, которыхъ зовутъ мотыльками,
 Я васъ отъ цвѣтовъ отгоняю—неволью, когда прохожу,
 Я братъ вамъ, не будьте врагами, мы вызваны тѣми жъ лучами
 На ту же—миѣ ярмо—на ту же, великую въ Мирѣ, межу.

ИЗЪ ЛѢСА ВЪ САДЪ.

Какъ изъ Лѣса въ Садъ
 Черезъ тѣму идешь,
 Тамъ слѣды горятъ.
 Гдѣ дорога въ Садъ?
 Въ чащѣ—острый взглядъ,
 Слово свѣтлой ножи.

Много тамъ слѣдовъ,
 Гдѣ вѣка прошли,
 Много тамъ цвѣтовъ,
 Много тамъ плодовъ,
 Паръ всегда готовъ.
 Гдѣ онъ, Садъ? Вдали!

Выявляетъ. Итъ
 Много днѣ своихъ.
 Межъ густыхъ завѣсъ
 Не видать Небесъ,
 Но и адъ въ воскресъ
 Тоже звучный стихъ.

Вѣковичный кругъ,
 Онъ и адъ въ воскресъ.
 Сѣверъ есть и Югъ,
 И Востокъ и другъ,
 И зеленый лугъ
 Для живыхъ тѣлесъ.

Волежи, пируй,
 Всѣхъ цвѣтовъ не счесть,
 Ты цвѣтокъ, закуй,
 Нѣжень лепетъ струй,
 О, цѣлуй, цѣлуй,
 Если губы есть!

А когда къ устамъ
 Красный льнетъ закатъ,
 По златымъ слѣдамъ,
 Мы къ инымъ цвѣтамъ,
 Мы къ плодамъ-звѣздамъ
 Удалимся въ Садъ.

ДУХЪ НАШЪ.

— Духъ нашъ, снажи! Духъ нашъ, пророчь!
 Отчего мы въ зарѣ и однако въ печали?
 — Ибо въ темную ночь
 Свѣтъ Христовъ вы проспали.
 Кто проспалъ, тѣмъ на дню невозможно помочь.

— Духъ, помоги! Духъ, вступи!
 Опрокинуть не можемъ ли часъ нашъ и время?
 — Будутъ новые дни,
 Сѣйте свѣтлое сѣмя.
 Стебель въ новые дни, возрости, наклони.

— Духъ, мы хотимъ! Духъ, преклонись!
 Мы глядимъ, мы не спимъ, не уснемъ, помоги намъ!
 — Обойми кипарисъ.
 Спи. Но, чуть по долинамъ
 Брызнуть росы, проснись, и молись, и молись.

ПРОЩАНІЕ.

Ты прости-прощай, тѣло бѣлое,
 Тѣло бѣлое, какъ земной.
 Ты лежишь теперь, ошѣмѣлое,
 Ошѣмѣлое подъ Луной.

Я жила въ тебѣ, тебя нѣжила,
 Въ тебѣ нѣжила сонъ вѣнца.
 Но меня всегда ты мятежило,
 Ты мятежило безъ конца.

А теперь пора расставаться намъ,
 Расставаться намъ—такъ всегда.
 Нужно въ Небо мнѣ, вновь скитаться тамъ,
 Вновь скитаться тамъ, какъ звезда.

Я отдамъ тебя на сѣденіе,
 На сѣденіе злымъ червямъ.
 Все же бывшее снѣженіе,
 Едженіе радость намъ.

Ты служило мнѣ зыбкой лѣстницей,
 Зыбкой лѣстницей къ вышнимъ.
 Я была тебѣ свѣтлой вѣстницей,
 Свѣтлой вѣстницей въ нѣжномъ снѣ.

И когда опять въ мѣрѣ встрѣтимся,
 Въ мѣрѣ встрѣтимся въ должный часъ,
 Другъ во другъ мы въ мигъ отмѣтимся,
 Вмигъ отмѣтимся блескомъ глазъ.

Но хотя двоянѣ возрожденіе,
 Возрожденіе приметъ свѣтъ,
 Для минувшаго—возвращеніи,
 Возвращеніи больше нѣтъ.

И любя любовь, и любя тебя,
 И любя тебя вдвое вновь,
 Будемъ счастливы, о быломъ скорбя,
 О быломъ скорбя сквозь любовь.

ДУХОВНЫЙ САДЪ.

Темный и свѣтлый духовный нашъ Садъ,
 Солнце зашло, во не гаснетъ закатъ,
 Красема вишни, златой виноградаъ.

Ягодки словно цвѣты—барбарисъ,
 Въ яблокахъ ясно румяныи загляисъ,
 Темный, какъ теремъ ночной, кипарисъ.

Нѣжно обнявшись съ послѣднимъ лучомъ,
 Лилія дремлетъ и грезить. О чемъ?
 Ужъ не отпустить тотъ лучъ, няпочемъ.

Въ чашу вбиралъ, но тѣмъ не губи,
 Пресуществалъ, вдыхалъ, любилъ,
 Бѣлая, приметъ златистость въ себя.

Скоро ночная сойдетъ тишина,
 Лилія будетъ блѣдна, но видна,
 Въ свѣты одѣта, и тайной сильна.

КАЖДЫЙ ЕСТЬ ЦЕРКОВЬ.

Каждый есть церковь, и въ каждомъ есть звоны,
 Въ каждомъ высоко восходятъ амвоны.
 Только когда
 Онъ это забудеть,
 Свѣта убудеть,
 Сердце воскликнетъ, что сумракъ хорошъ,
 Свѣта убудеть,
 И гаснетъ звѣзда.

Что-жь,
 Сумракъ красивъ,
 Захватистъ и весело-пѣвистъ разливъ,
 Поля ширью владѣть вода.
 Сумракъ хорошъ,
 Можно ль ему возбранить
 Выткать—какую поправится—нить?
 Вольной быть хочеть душа,

Своевольная тьма хороша.
 Если вода затопила уголья,
 Это весна,
 Пирь полноводья.
 Полая влага однако мутна,
 Полая вода—стоячая,
 До предѣла всей мощи дошли.
 Выдыхайте, помыслы зрячіе,
 Пусть забьются въ должныхъ предѣлахъ волна.
 О, внемли,
 Своевольница, мысль человѣческая,
 Звѣздныя зерна рассыпала въ сумракъ, тамъ вонъ, вдали,
 Чья-то рука,
 Нахари длань и отеческая,
 Звѣздную стелютъ дорогу вѣка,
 Звѣздныя росы,
 Храмы встанутъ, оваряя откосы,
 Звѣздныя капли въ качавыхъ морей,
 Звѣздныя души, къ молитвѣ идите, звѣздныя души, скорѣе, скорѣй.

ЧЕТЫРЕ ЗНАКА.

Поюще,
 Вопиюще,
 Взывающе,
 Глаголюще.

Орломъ сѣдымъ поюще,
 Тельпомъ вопиюще,
 Могучимъ львомъ взывающе,
 Какъ человѣкъ глаголюще.

Четыре знака намъ,
 Мирволющихъ страстимъ,
 Ликъ четырехъ путей,
 Въ различности страстей.

Орлиное пѣнье, орлиныя крылья,
 Мычанье и кротость тельца,
 Львиный прыжокъ, все мое—безъ усилья,
 И голосъ, глаголанье, гулъ безъ конца.

Куда ты захочешь, смотри,
 И все, что восхочешь, бери,
 Ты думала, путей только три,
 Ихъ въ мѣрѣ безбрежномъ четыре.

Ты—въ Мѣрѣ,
 Мѣрское—бери.

Я беру себѣ крылья орлиныя,
 Хотя люблю я уютный хозяйственный мѣръ,
 Я беру себѣ ширя пустынныхъ, львиныхъ,
 И стозвоиное пѣніе дѣръ.

Четверично—различво—стократно—единое.

Проходи по воздушнымъ путямъ,
 Я увидѣла безмѣрную долю,
 Отъ страстей черезъ страсти къ страстямъ и страстямъ
 Улетаю, какъ всѣ—имъ мирволю,
 Но, когда я начну говорить, я глаголю,
 И когда я пою, воспеваю и волю,
 Что въ великомъ капитънѣ страстей,
 Черезъ которое должно пройти,
 Чтобы узнать о единомъ пути,
 О пути—отъ путей,
 Въ голубой небосводъ,
 Гдѣ душа набереть изъ различности всей
 Лишь простора—и полеть.

ХЕРУВИМСКАЯ.

Выше, ниже, Херувимы, образующіе тайно
 Свѣтъ и крылья, свѣтъ и дымъ, ликъ возникшій не случайно,
 Жизнь творящей, исходящей, восходящей вмѣстѣ огнемъ,
 Трисвятую, Трисвятѣйшей, трисвятую пѣснь поемъ.

Да Царя, чей голосъ—громы въ вихряхъ огненного дыма,
 Чье величіе—на коняхъ святой Ангельской носимо,
 Мы подымаемъ, свѣта примедемъ тріединнаго Лица,
 Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя безъ конца.

НА ДОНУ.

Это было на Дону, на Дону,
 Вотъ ужъ третью я весну не усну.
 И къ чему жъ я буду спать, буду спать?
 Сирота нашелъ Отца, встрѣтилъ Мать.
 Тамъ на тихомъ на Дону—Царскій Домъ,
 Я пришелъ въ пути своемъ въ Царскій Домъ.
 А при Домѣ этомъ садъ, вѣзныи садъ,
 И горитъ, да не сгоритъ, тамъ закатъ.
 И горитъ, который годъ, тамъ восходъ,
 Хоть считай, хоть не считай, спутанъ счетъ.
 И, какъ тайна, по древамъ свѣтитъ Храмъ,
 Всѣ листья-цвѣты, какъ свѣчи, свѣтитъ тамъ.
 И со всѣхъ тамъ сторонъ слышенъ звонъ,
 Изъ каменныхъ колоколецъ злится онъ?
 Изъ алмазныхъ колоколецъ, изъ сердець?
 Гдѣ начало этой пѣсни, гдѣ конецъ?
 И отъ птицъ исходятъ гласъ, столь пѣвучъ,
 Что во церкви тамъ пробилъ быстрый ключъ.
 Ключъ зашлялъ, валялся, побѣжалъ,
 Въ синемъ Морѣ, на просторѣ, пѣнный валъ.

Я глядѣлъ, поглядѣлъ, стала я бѣлъ,
 Я съ ключомъ надъ цвѣткомъ звонко пѣлъ.
 Чудеса Небеса—мой Отець,
 Мать-Земля—моя Мать наковецъ.
 У Отца—два вѣнца на челѣ,
 Златъ вѣнецъ, бѣлъ вѣнецъ, свѣтъ во мглѣ.
 Мать мою онъ въ смарагды одѣлъ.
 Я пою. Или вѣчно я пѣлъ?

МОЯ ГОЛОВУШКА.

Ты пропой, моя головушка, соловушкомъ въ саду,
 Ты воспой, моя головушка, Вечернюю Звѣзду.

Ты пропой, моя головушка, о всѣхъ качеляхъ дней,
 Ты воспой, моя головушка, качанье въ глубь ночей.

Ты пропой, моя головушка, про Каму про рѣку,
 Ты воспой всѣхъ красныхъ дѣвушекъ, ночную ихъ тоску.

Ты пропой, моя головушка, про рѣку про Курень,
 Ты воспой всѣхъ добрыхъ молодежь, уведшихъ ночи въ день.

Ты пропой, моя головушка, о вербѣ золотоѣ,
 Ты воспой ея цвѣтеніе надъ вешнею водою.

Ты пропой, моя головушка, что Море хочеть рѣкъ,
 Ты воспой, моя головушка, какъ святъ есть Человѣкъ.

КО ПРЕСТОЛУ КРАСОТЫ.

У Престола Красоты
 Все лазоревы цвѣты,
 А еще есть бѣлы,
 А еще есть бѣлы.

Тайно въ сердце поглядимъ,
Тамъ мы путь опредѣлимъ
Въ вышніе предѣлы,
Въ вышніе предѣлы.

Ко Престолу Красоты,
До высокой высоты,
Я дойду, и ты, и ты.
Братья, будемъ смѣлы,
Братья, будемъ смѣлы.

Въ каждомъ сердцѣ—тайный храмъ,
Тамъ идя по ступенямъ
Въ сумраки безбрежны,
Въ сумраки безбрежны.

Темны горницы пройдемъ,
Свѣтлы горницы найдемъ,
Свѣтлы, безмолжны,
Свѣтлы, безмолжны.

Ввысь, по лѣстницамъ крутымъ,
Все впередъ неукротимъ,
Лучъ увидишь, ты за нимъ,
Сестры, будемъ нѣжны,
Сестры, будемъ нѣжны.

Тотъ, кто первый кончить путь,
Можетъ руку протянуть
Въ вышніе предѣлы,
Въ вышніе предѣлы.

А за нимъ, рука съ рукой,
Въ высь взойдетъ еще другой,
Братъ съ сестрою близой,
Братъ съ сестрою близой.

Вместѣ всѣ, и я, и ты,
 Ко Престолу Красоты,
 Какъ на яблонѣ цвѣты,
 Души, будьте смѣлы,
 Души, будьте смѣлы.

ЭТО БУДЕТЬ.

Это будетъ—по вѣспѣ.
 Самъ Пророкъ повѣдалъ мнѣ.
 Это явится въ тотъ годъ,
 Какъ въ высотахъ зацвѣтеть,
 Сонъ всемірный, Цвѣтъ-Гора,
 Что изъ золота, серебра,
 И вселенскаго Огня.
 Это будетъ—для меня,
 Для тебя, и для другихъ,
 Для своихъ, и для чужихъ,
 И для каждаго, для всѣхъ,
 Онъ исчезнетъ, темный грѣхъ.
 Отойдетъ, какъ черный дымъ.
 Потечетъ Рѣка-Сладимъ,
 Позлатится Втай-Рѣка,
 Приметъ въ воды всѣ вѣка,
 Укрѣпится Шать-Рѣка,
 Широка и глубока,
 А по водамъ Тѣнь-Рѣки
 Заиграютъ огоньки,
 А по вскинамъ Тѣнь-Рѣки
 Засверкаютъ свѣтяки.
 Во Вселенной, въ пѣньи струй,
 Все-то будетъ поцѣлуй.
 Это будетъ. Свѣтлый смѣхъ,
 Разъ во мнѣ, онъ есть во всѣхъ.
 Есть ли тѣма, коль я горю?
 Это будетъ, говорю.

СТРУНЫ.

— Кто скавалъ въ началѣ?

Сколько словъ? О чемъ?

— Въ роковомъ началѣ

Струны занграли

Въ Небѣ золотомъ.

— Сколько капель въ вазѣ,

Пѣннстомъ, морскомъ?

— Струны колдовали,

Капель не считали

Въ Небѣ голубомъ.

— Та ли жизнь въ печали,

Какъ въ огнѣ живомъ?

— Струны прозвучали,

Пѣсней все въпчали

Въ Небѣ огневомъ.

— Будеть ли въ опалѣ

Кто въ концѣ святомъ?

— Свѣтъ конца—въ началѣ

Струны вѣще знали

Въ Небѣ золотомъ.

ПОЛЯ БЛАЖЕННЫЯ.

Рязи петляныя,

Вѣнды семигранныя,

И друзья неизмѣнныя,

И слова необманныя.

И для вольныхъ полей
 Много пышныхъ стеблей.
 И въ лугахъ табуны
 Богатырскихъ коней.
 И Луна съ вышины
 Съ святой солнечныхъ дней.
 И дрожанье струны
 Все нѣжнѣй и нѣжнѣй.

И когда, день за днемъ,
 Завершается годъ,
 Серпъ звенитъ за серпомъ,
 Жатвы хочеть, поеть.
 Новый стебель растетъ,
 Новый колосъ горитъ.
 Умножается счетъ,
 Изумрудъ, маргаритъ.
 Бриллианты растутъ,
 Ночи бархатъ плетутъ.

Золотую иглу
 Кто-то держитъ, и шьетъ.
 Бисеръ вывадилъ иглу,
 Умножается счетъ.

Свѣтитъ ризы нетлѣнныя,
 И вѣнцы семигранныя.
 Возьми бывшіе плѣнныя,
 Струны радости жданныя.

ЖЕРТВА БОЖЬЯ.

Жертва Божья умилена, онъ оставилъ ширь пустынь,
 Сады развелъ, вскопалъ нивы, истребилъ въ поляхъ волны.
 Кипарисныя дрова онъ насадилъ въ своемъ саду,
 Онъ до Запада отъ Моря обозначилъ борозду.

Корень дивный и развильный въ должномъ мѣстѣ утвердилъ.
 Миръ сердець сростивъ въ единость, тѣмъ возросила цвѣтность
 сила.

Возросли благоуханно листья, вѣтви, цѣлый садъ,
 Благодатный и снѣжистый, вырѣлъ бѣлый виноградъ.
 Прилетѣла птица Соколъ, золотой, спустился внизъ,
 Сѣлъ, жемчужный, сѣлъ, алмазный, на высокій кипарисъ.
 Въ славномъ градѣ во Сионѣ, Соколъ сѣлъ среди вѣтвей,
 У него сидитъ подъ сердцемъ сладкозвучный Соловей.
 Херувимомъ, серафимомъ, на двѣнадцать голосовъ,
 Гаспѣваетъ на днѣ смѣны, во двѣнадцать часовъ.
 Чины, дѣйственны, старинны, и первичны пѣсни всѣ,
 Въ нихъ, созвонныхъ, благоговѣны всѣ цвѣты въ своей красѣ.
 Ахъ ты птичка пѣвуча, какъ утѣшила ты насъ,
 Звѣзды всѣ—Седьмого Неба—ты явила въ текущій часъ.

ХРИСТОСЪ, ВОСКРЕСЕ.

- Здравствуй, братецъ. Ты былъ въ Иерусалимѣ?
 — Братецъ, здравствуй. Гдѣ онъ, Иерусалимъ?
 Весь пройденъ.—Христосъ Воскресе!
 — Братъ, возстану воскресъ.

СВѢТЛІЦА.

Во полѣ чистомъ,
 Цвѣтномъ снѣжистомъ,
 Стола свѣтлица,
 Въ свѣтлицѣ Дѣвица.
 Свѣтлѣй червоцца,
 Блѣтѣ свѣга,
 Краснѣе Солнца,
 Желаннѣй брега.

Видите свѣта,
 Видите зоря,
 Въ лучи одѣта,
 Съ лучомъ не спорь.

Во чистомъ волѣ,
 На вольной волѣ,
 Сіяеть свѣтлица,
 Межь дѣль тамъ Дѣвица.
 Ихъ убираеть:
 „Сидитесь, дѣвицы!“
 И къ нимъ вымаеть:
 „О, голубицы!
 Не озирайтесь
 На сны пустынь.
 А простирайтесь
 Впередъ. Амины!“

ВЕРТОГРАДЪ.

Тотъ, кто вступитъ въ Вертоградъ,
 Кровью сердца кунитъ садъ,
 Будеть лишь о томъ жалѣть,
 Что за этотъ ароматъ
 Мало онъ понесъ утратъ,
 Что терзаться былъ бы радъ,
 А была воздушна сѣть,
 Что за этотъ пышный садъ,
 Желтый, красный виноградъ,
 Синій, черный виноградъ,
 Что за этотъ свѣжій садъ
 Весь не можетъ онъ спорить,
 Жить и вмѣстѣ умереть.

ВИНОГРАДАРЬ.

— Отчего подь солнцемъ—разный
 Виноградъ?
 Ты сважи мнѣ рѣчью связной,
 Я послушать буду радъ.
 — Я скажу тебѣ: зеленый
 Оттого, что зеленъ садъ,
 Оттого, что далъ законы
 Намъ Зеленый Вертоградъ.
 Изумрудно-золотистый
 Оттого, что въ Небесахъ
 Свѣтитъ Солнце въ день огнистый,
 Мѣсяцъ златъ горитъ въ почахъ.
 Виноградъ бываетъ красный
 Оттого, что въ сердцѣ крови
 Въ храмъ тѣлесный, въ храмъ атласный.
 Вводитъ къ празднику любви.
 Виноградъ бываетъ сивій
 Оттого, что пламень снѣгъ
 Надъ небесною пустыней,
 Въ ночь какъ громъ поетъ „Амивъ“.
 Виноградъ бываетъ черный
 Оттого, что Ночь черна,
 Хотъ бросаетъ въ садъ узорный
 Зерка звѣздныя она.
 Виноградъ бываетъ бѣлый
 Оттого, что бѣлы мы,
 Хотъ бѣлы мы въ побѣлѣный
 Праздникъ пляшущей Зимы.

НЕ ЗАБЫВАЙ.

Седьмое Небо, блаженный Рай
 Не забывай.
 Мы всё тамъ были, и будемъ вновь,
 Гласить Любовь.
 Престолы Неба, сады плавидъ—
 Для всѣхъ, кто вретъ.
 Несчетны Солнца, жемчужность Луна—
 Для всѣхъ, кто юнъ.

А здѣсь, покуда свершаемъ чудо
 Любя къ любви.
 Мы вѣчно юны, какъ звонки струны,
 Мой зовъ лени.

Я здѣсь сію призывомъ къ Маю,
 Миръ вброшу въ авось.
 О, свѣточъ Рай, ты, молодая,
 Ты, сонъ времянь.

Я Вѣчность—съ днями, пожаръ—съ огнями,
 Въ ночь—пабать.
 Я теремъ новый, утокъ основы,
 Я быстрый взглядъ.

Я—здѣсь, съ громами, съ колоколами,
 Съ игрой зарницъ.
 Я крикъ чудесныхъ и благовѣстныхъ
 Весеннихъ птицъ.

Седьмое Небо, блаженный Рай
 Не забывай.
 Когда ты счастливъ, отъ счастья вѣдь,
 Онъ здѣсь, Эдемъ.

Когда ты темнея, и мракъ—твой взглядъ,
 Онъ близокъ, Ахъ.
 Седьмое Небо, блаженный Рай
 Не забывай.

ЧТО ГОРИТЬ?

Гляди, погляди,
 Моя бѣлая сестра,
 Моя бѣлая сестра.
 Что горитъ позади?
 Что горитъ впереди?
 Чѣмъ горитъ вся гора?

Гляжу, погляжу,
 Мой бѣлый братъ,
 Мой бѣлый братъ,
 Я тебѣ расскажу.—
 Какъ пройдемъ мы межу,
 Чѣмъ высоты горятъ.

За нами—пожаръ,
 Мой бѣлый братъ,
 Мой бѣлый братъ.
 Последний пожаръ
 Зловражескихъ чаръ
 Отшедшей чадь.

Предъ нами—Сіонъ,
 Мой бѣлый братъ,
 Мой бѣлый братъ.
 Весь міръ освященъ,
 Мы—въ Немъ, въ насъ—Онъ
 Градъ двѣнадцата вратъ.

Какъ мнѣ легко,
 О, путь серебра,
 Моя бѣлая сестра.
 Мы были глубоко,
 Воспаряли высоко,
 Моя бѣлая сестра.

ТАМЪ.

Тамъ, гдѣ пируютъ Ангелы, гдѣ пируетъ Духъ Святой,
 Тамъ, гдѣ въ синемъ свѣтитъ ладанъ огонь червонно-золотой,
 Тамъ, гдѣ кедрами Ливанскими намъ упрочевъ потолокъ,
 Гдѣ, являя изобиліе, смотритъ злѣи въ потоки,
 Гдѣ любому сотрапезнику умощенья есть въ дарцахъ,
 Гдѣ въ глаза блзому безднику смотритъ вѣстники въ вѣщахъ,
 Гдѣ съ восторженностью жаркою вѣчно вновь глядятъ глаза,
 Гдѣ вмѣнилась въ перстня яркіе грозозная бирюза,
 Гдѣ завѣсы алатотканями весь являютъ звѣздный сводъ,
 Гдѣ летаетъ птица странная и всегда къ веснѣ зоветь,
 Гдѣ, покуда всякъ обѣдаетъ, вѣчно музыка слышна,
 А никто-никто не вѣдаетъ, чей напитокъ и чья струна,
 Я иду, и въ свѣты пирные я веду тебя, сестра,
 И вѣнецъ твой—златъ-сапфировый, башмачокъ—изъ серебра.

ЗВѢДОЗАКОННИКИ.

Звѣздники, звѣдозаконники,
 Божіей воли влюбленники,
 Крестопоклонники,
 Цѣтнопоклонники,
 Здѣсь въ Вертоградѣ мы всѣ
 Въ невыразимой красѣ.

Бедники, стали мы звѣздинки,
 Въ Вечери мы согражданики,
 Цѣтопоклонники,
 Звѣдозаконники,
 Хлѣбъ и вино—въ хоровомъ,
 Во всеокупномъ поемъ.

НЕТАИНОЕ.

Мы найдемъ въ нашемъ теремѣ свѣтлый покой,
 Гдѣ игрою столѣтій украшены стѣны,
 Гдѣ лишь сказкою, пѣсней стали камѣны,
 Чтобъ за мигомъ былъ мигъ, за восторгомъ другой.

Я тебѣ взгляну въ безконечную душу,
 Ты взглянешь въ мою, какъ взглянула бѣ въ окно,
 Мы поймемъ, что сліяніе намъ суждено,
 Какъ не можетъ волна не домчатся на сушу.

Ты мнѣ скажешь: „Мой милый! Нарядъ приготовь.“
 На тебя я надѣну нетайное платье.
 Я тебя заключу—заключаю въ объятія,
 Мы найдемъ—мы нашли—въ нашемъ сердцѣ—любовь.

БѢЛЫЙ ПАРУСЪ.

Прости, Солнце, прости, Мѣсяцъ, Звѣзды ясныя, простите,
 Если что не такъ я молвилъ про волшебность Корабля,
 Если что не досмотрѣлъ я, вы меня ужь просвѣтите,
 Ты прости мой распѣвцы, Мать моя, Сыра Земля.

Можетъ, и хожденіе въ словѣ и постигъ, да не довольно,
 Можеть, слышномъ я въ круженія полюбилъ одну сестру,
 Какъ тутъ быть мнѣ, я не знаю, сердце плачетъ богомольно,
 Но не всѣхъ ли я прославляю, если ей цвѣты сберу.

Солнце, Мѣсяцъ, Звѣзды ясны, Мать Земля, меня простите,
 Ленъ въ поляхъ я возрождаю, дамъ обильно коноплю,
 А моя сестра сумѣетъ изъ цвѣточковъ выткать нити,
 И сплететъ намъ бѣлый парусъ съ голубимъ цвѣткомъ „Люблю“.

ТРИ ИПОСТАСИ.

Три ипостаси душъ: познавшіе, борцы,
 И вскипы снова. Ихъ три. Три лика душъ, не боги.
 Сплетаюсь, свѣтъ и тѣма идутъ во всѣ концы,
 Но имъ въ концѣ концовъ—разлука, поневоли.

Сплетаются они, цѣлуются они,
 Любовныя ведутъ, и вражескія рѣчи,
 Но вовсе отойдутъ отъ сумраковъ огни,
 Увидѣвъ цѣликомъ себя въ послѣдней встрѣчѣ.

Познавшіе, когда изъ этой смѣны дней
 Уходятъ, къ нимъ идутъ три духа свѣтлые,
 Съ одеждою, съ водою, съ огнемъ—къ душѣ, и ей
 Указываютъ путь въ Чертоги Міровые.

Борцы, уйдя изъ дней, встрѣчаютъ тѣхъ же трехъ,
 Но демонамъ еще встаютъ съ жестокимъ ликомъ,
 И нѣтъ одежды, шипитъ вода съ огнемъ,—и вздохъ,
 И снова путь, борьба—межъ пѣніемъ и крикомъ.

А вскипы снова, уйдя, вступаютъ въ темный строй,
 Лишь кое-гдѣ горитъ созвѣздной сказки чара,
 И снова сны князятъ, вскипаютъ волей злой,
 И будутъ такъ до дня всемірнаго пожара.

Три ипостаси душъ, и двѣ ихъ, и одна,
 Отпрянетъ свѣтъ отъ ѣммы, и вызвѣдятся духи,
 А сонмы тѣхъ сгорятъ. Всемірная волна
 Поетъ, что будетъ „Вновь“. Но пѣсня гаснетъ въ слухѣ.

РАЗЛИВЪ ВЕЧЕРНІЙ.

Разливъ зари вечерней отходить на отливъ,
 На стеблѣ, полномъ терній, червоный цвѣтъ красивъ,
 Багряные туманы плывутъ надъ моремъ нивъ.

Среди колосьевъ желтыхъ—какъ очи, насмѣлки,
 И макъ—побережье разлившейся рѣки,
 Чьи воды—зрѣлость алаковъ, чьи воды—широки.

Концовъ Земли—четыре, и Адъ, и Рай, всѣхъ шесть,
 Концовъ Земли—четыре, на каждомъ Ангель есть,
 А всѣхъ ихъ въ свѣтломъ мірѣ, какъ звѣздъ ночныхъ, не счесть.

Четыре шестиперыхъ токъ вѣтровъ стерегутъ,
 На дремлющихъ могилахъ—цвѣты, и тамъ, и тутъ.
 Насъ всѣхъ молитвы мнѣхъ отъ тьмы уберегутъ.

Коль здѣсь мы не успѣли соткать себѣ нарядъ,
 Коль свѣтлыя свирѣли не завлекли насъ въ садъ,
 Въ замѣну Вертограда увидишь мрачный Адъ.

Но, тамъ побывъ во мракахъ положенные дни,
 Познавъ, что въ звѣздныхъ знакахъ—доточные огни,
 Ты выйдешь къ свѣту въ макахъ,—тогда не измени.

Минутность заблужденія—пройденная ступень,
 За падшаго моленье—какъ въ правдѣ житый день,
 Сіяньемъ восхожденія удѣлъ земной одѣнь.

Концовъ Земли—четыре, и страшныхъ два, всѣхъ шесть,
 Судебъ Земли—четыре, при каждой Ангель есть,
 Служите Міру—въ мірѣ, дорогъ Судьбы не счесть.

А ЧТО ВВЕРХУ?

Сіонъ-Гора—сініе,
 Высокое, горячее,
 Голговъ-Гора—страданіе,
 Стоякое, всезячее.
 А что вверху, у Батюшки,
 Мученье изъ восторгъ?
 А что вверху, у Матушки,
 Что Сынъ изъ тьмы исторгъ?

Ужъ если есть надеженіе,
 Есть дѣйствица съ низинъ,
 Сіонъ-Гора—видѣніе,
 Сходилъ къ низинамъ Сынъ.
 И сходить Онъ востину,
 Еще премного разъ,
 Когда любовь и истину
 Мы причемъ въ тайность глазъ.

Въ глаза Онъ къ намъ, въ правдыме,
 Съ Голговъ-Горы спускается,
 Узнавъ, что мы—счастливыме,
 Отъ боли отторгается.
 Ведеть насъ снизу къ Батюшкѣ,
 Въ превыспренность рыбей.
 Въ Сіонъ-Горѣ, у Матушки,
 Есть садъ для голубей.

ПОСЛѢДНЕЕ ВИДѢНІЕ.

Я видѣлъ видѣнъе,
 Я вспрянулъ съ кровати,
 На кося, недужный,
 Воззрися я въ темъ.

Небесны владычя,
 Сорвались печати,
 Печати жемчужны,
 Число же ихъ семь.

Ночные предѣлы,
 Крутились туманы,
 Какъ пасти ужасы,
 Надъ битвой ночной.
 И конь тамъ былъ бѣлый,
 И конь былъ буланый,
 И конь тамъ былъ красный,
 И конь вороной.

И были тамъ птицы,
 И были тамъ звѣри,
 И были тамъ зѣди,
 И ангеловъ—тѣмы.
 Въ лучахъ огненныхъ
 Пылали всѣ двери.
 Въ неустовомъ чудѣ
 Тамъ были и мы.

Сквозь каждую дверь,
 Стѣнные разломы,
 Сквозь трещины, щели,
 Врывались лучи.
 И были всѣ звѣри,
 И были ихъ громы,
 Подъ звоны свирѣли
 Ихъ сбѣли мечи.

И зикъ былъ тамъ львиный,
 И зикъ былъ орлиный
 И зикъ человѣчій,
 И зикъ былъ тельца.

Ломались сны,
 Крушились вершины,
 Въ безжалостной сѣчѣ,
 Въ крови безъ конца.

Въ небесныхъ пожарахъ,
 Въ верховныхъ разрывахъ,
 Стояли четыре
 Небесныхъ гонца.
 И малыхъ и старыхъ,
 Какъ стебли на нивахъ,
 Косили всѣхъ въ мѣрѣ,
 Въ огнѣ безъ конца.

И только надъ крышей
 Той бедны безбрежной,
 Той сѣчи кровавой
 Звѣрей и людей.
 Все выше и выше,
 Какъ сонъ бѣлоснѣжный,
 Возносились со славой
 Толпы голубей.

ДУХЪ БРАЧУЮЩІЙ.

Отошла за крайность міра молнегромная гроза,
 Надъ омытымъ изумрудомъ просіяла бирюза,
 И невысказаннымъ чудомъ у тебя горить глаза.

Темный зѣсь съ бродящимъ звѣремъ словно въ сказку отступилъ,
 Садъ чудесъ, высокій теремъ, пересвѣтъ небесныхъ свѣзъ,
 Въ Бога вѣрять нѣтъ не вѣрять, Онъ въ насъ вѣрять, не забыть.

Обручаль съ душою душу Духъ Брачующій, Господь,
Обыччалъ съ водою сушу, чтобъ ступала твердо плоть,
Хлѣбъ всемірный не разрушу, хоть возму себѣ ломоть.

Стало сномъ, что было ядомъ, даль вселенская чиста,
Мы проходимъ въ теремъ садомъ, нѣтъ врага въ тѣни куста,
Надъ зеленымъ Вертоградомъ веселится высота.

ВЪ ВЕЛИКОМЪ ЗАРЕВѢ.

Вотъ я прочелъ, не отрываясь
Все то, что долженъ былъ прочесть,
Въ великомъ заревѣ сливался
Со всѣмъ, что въ Звѣздахъ звѣдно есть.

И тамъ, гдѣ эти свѣчи Гая
Не достигаютъ Красоты,
Я буквы вычеркнулъ, стирая,
Кривыя выпрямилъ черты.

И тамъ, гдѣ въ Вѣчность воплощалась,
Возникла цѣльно кривизна,
Я долго медлилъ, восхищаясь,
Воскликнуть: „Да живеть она“.

И тамъ, гдѣ въ стройныя колонны
Сложившись строки прямоты,
Я стихъ пропѣлъ, и, многозвонны,
Возвели храмы и цѣлты.

И тамъ, гдѣ въ очи смотреть очи,
Гдѣ на звѣзду глядитъ звѣзда,
Благословилъ я дни и ночи,
И быть велѣлъ имъ навсегда.

Въ великой граматѣ, единой,
 Въ гремящей книгѣ Родословъ,
 Гдѣ каждый листъ взнесенъ пучиной,
 За каждой буквой сонмъ вѣковъ.

ДРЕВО.

Нашъ Садъ есть единое Древо,
 Съ многолиственнымъ сонмомъ вѣтвей.
 Его насадила лучистая Ева,
 Въ вѣкахъ и вѣкахъ непорочная Дѣва,
 И Жена,
 И Матерь несчетныхъ дѣтей.

Нашъ Садъ посребряетъ Луна,
 Послащветъ горячее Солнце,
 Синие насблачныхъ славъ,
 Паумруды для стволя-облекающихъ травъ
 И листовъ
 Намъ даруетъ свѣчене неадѣльныхъ морей,
 И хоть нѣтъ тѣмъ морямъ береговъ,
 Можно въ малое зрѣть ихъ оконце,
 Что въ душѣ раскрывается въ малыхъ сферахъ очей,
 Въ духѣ тѣхъ, кто, отъ вѣчнаго Древа
 Восприимавши цвѣточную пыль,
 Такъ покоренъ качанью зеленыхъ вѣтвей,
 Какъ покоренъ вѣтрамъ легкозвонимъ ковыль,
 Гдѣ звучать—не звучать многозвучность напѣва.
 И сіяетъ нашъ Садъ, и цвѣтеть,
 И цвѣты голубые даетъ
 Хороводно-раскинутый Сянь-небосводъ,
 И съ безсмертной усмѣшкой Адамъ
 Повѣствуетъ о Евѣ плѣняющей намъ,
 Подъ раскидистой тѣнью единого Древа.

СЕДЬМЫЯ НЕБЕСА.

Когда раскрылись намъ Седьмыя Небеса,
 Когда подъ звонкій гулъ золотого колеса,
 Промчались въ высотѣ толпы крылатыхъ птицъ,
 Мы чувствовали всё, что свѣтитъ намъ краса
 Непризрачныхъ существъ, неадѣшнихъ колесницъ.

Надъ каждымъ колесомъ, на нѣкой высотѣ,
 Былъ голубь, словно свѣтъ въ нагорной красотѣ,
 Четверократный блескъ надъ каждымъ, кто былъ тамъ,
 Земное все—не то, а эти въ высяхъ—тѣ,
 И можно съ ними быть, и это видно намъ.

Какъ быстры кони всѣ. Какъ сказоченъ ихъ видъ.
 Въ очахъ у каждаго былъ камень-маргаритъ.
 А тѣло—стройное, жемчужно-пышный хвостъ,
 У каждаго изъ устъ сіяніе горитъ,
 Какъ будто онъ испилъ отъ развѣствующихъ звѣздъ.

И гривую взмахнувъ жемчужною своею,
 Прился каждый конь дрожаніемъ поадрей,
 А вождь крылатыхъ тѣхъ держалъ въ рукѣ ключи,
 Всѣхъ жаждущихъ онъ мчалъ къ нагорностямъ, скорѣй,
 Туда, гдѣ первый день, послѣдніе лучи.

ЗВѢЗДОЛИКІЙ.

Лицо его было какъ Солнце—въ тотъ часъ когда Солнце въ зенитѣ,
 Глаза его были какъ звѣзды—предъ тѣмъ какъ сорваться съ Небесъ,
 И краски изъ радугъ служили какъ тканя, узоры, и нити,
 Для пышныхъ его одѣній, въ которыхъ онъ снова воскресъ.

Кругомъ него рдѣялись громы въ обрывныхъ разгнѣваннхъ
 тучахъ,
 И семь золотыхъ семизвѣдїй какъ свѣчи горѣли предъ нимъ,
 И грядя пылающихъ молнїй цвѣтами раскрылись на кручахъ,
 „Храните-ли Слово“?—онъ молвилъ,—мы крикнули съ воплемъ:
 „Хранимъ“.

„Я первый“, онъ рече, „и послѣднїй“,—и гулко отвѣтили громы,
 „Часъ жатвы“, сказала Звѣздоокиѣ. „Серпы приготовьте. Аминь“.
 Мы вѣрной толпою возстали, на Небѣ азѣли вихомы,
 И семь золотыхъ семизвѣдїй вели насъ къ предѣламъ пустынь.

ПРОРОЧЕСТВО БОЖИХЪ ЛЮДЕЙ.

По лѣвую сторону, въ одѣянїи страшномъ,
 Души грѣшныя, сумраки лицъ.
 Свѣтъ и тьма выявляются, какъ въ бою рукавиномъ,
 Все расчислено, падайте ницъ.

По правую сторону, въ одѣянїи лучистомъ,
 Тѣ, которыхъ вся жизнь жива.
 Золотые ихъ волосы—въ красованнїи огнистомъ,
 Какъ подъ солнцемъ ковыль-трава.

Минуты отшедшія, не вспыхнувши золотомъ,
 Тяжелымъ упали свинцомъ.
 И въ полѣ не полотомъ, и въ сердцѣ расколотомъ
 Все размножилось цѣпкимъ волчцомъ.

Вы, время забывшіе, вы Мїра не видѣли,
 Хоть къ Мїру пїявка и льзеть.
 Себя не украсивши, вы Солнце обидѣли,
 Васъ Солнце, васъ Вѣтеръ сомнеть.

Глаза ваши мертвые какъ будто бы идланы,
 Какъ будто они изъ стекла.
 И стрѣлами будутъ дѣла, что не сдѣланы,
 Зачѣмъ насъ Земля родила?

Лежите въ болотахъ гнилыми колодами,
 Въ жерла ненасытныхъ котловъ.
 Но къ Солнцу—кто солнечный—веселыми всходами—
 Взойдетъ до жемчужныхъ садовъ!

ДВѢНАДЦАТИВРАТНЫЙ.

И городъ былъ чистый и весь золотой,
 И словно онъ былъ изъ стекла,
 Былъ вымощенъ яшмой, украшенъ водой,
 Которая лентами шла.

Когда раскрывались золотыя врата,
 Вступали пришедшіе—въ плѣнь,
 Имъ выйти мѣшала назадъ красота
 Домовъ и сіяющихъ стѣнъ.

Синие возвышенныхъ стѣнъ городскихъ,
 Съ числомъ ихъ двѣнадцать вратъ,
 Вышло пришедшему пламенный стихъ,
 Включавшій Восходъ и Западъ.

Въ стѣнахъ золотилось двѣнадцать основъ,
 Какъ въ годѣ—двѣнадцать времени,
 Изъ цѣнныхъ камней, изъ любимцевъ вѣковъ,
 Былъ каждый оплотъ соплетень.

И столько по счету тамъ было камней,
 Какъ дней въ семитысячъ лѣтъ,
 И къ каждому ряду вратъ былъ межъ дней
 Еще высокосный расцѣтъ.

Тамъ былъ гіацинтъ, и небесный сафиръ,
 И возлѣ смарагдовъ—алмазъ,
 Карбункулъ, въ которомъ весь огненный міръ,
 Топазъ, хризолитъ, хризопрасъ.

Просвѣчивалъ женской мечтой маргаритъ,
 Опалъ, сардоникъ, халцедонъ,
 И чуть раскрывались цвѣтостости плоть,
 Двѣнадцатиструнный былъ звонъ.

И чуть въ просіяньи двѣнадцати вратъ
 На мигъ возникали дома,
 Никто не хотѣлъ возвращаться назадъ,
 Крича, что вѣтъ Города—тьма.

И тутъ возвѣщалось двѣнадцать часовъ
 Съ возвышенныхъ стѣнъ городскихъ,
 И мѣсяцы, въ тканяхъ изъ вешнихъ цвѣтовъ,
 Кружились подъ звончатый стихъ.

И тотъ, кто въ одни изъ двѣнадцати вратъ
 Своєю судьбой былъ введенъ,
 Вступалъ—какъ цвѣтокъ въ расцвѣтающій садъ,
 Какъ звукъ въ возрастающій звонъ.

ОСАННА.

- Что было у васъ за пирами?
- Цвѣточныя чаши, любовь.
- Что выше?—Всѣ звѣзды надъ нами.
- Что въ чашахъ?—Поющая кровь.
- Своя или чужая?—Смѣшались.
- А пѣсни?—Всегда объ одномъ.
- Въ какой же странѣ вы остались?
- Осанну, Осанну поемъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Кормщикъ	9
Втай-Рѣка	9
Шать-Рѣка	10
Твнь-Рѣка	10
Сладимъ-Рѣка	11
Свирѣльникъ	12
Ангель Встрѣчь	12
Адамъ и Ева	13
Рафское дерево	15
То древо	16
Два Шестикрылыхъ	17
Братъ и Сестра	18
Братъ съ Сестрой	19
Божья Книга	20
Голубица	21
Какъ сонъ	22
Итица Рафская	23
Голубь	24
Улети	24
Ворюнокъ	25
Свадьба душъ	26
Приходи	26
Отчего	27
Для сестры	28
По благодати	29
Шутка цѣтвовъ	29
Одежды равны	30
Божіѣ Храмъ	30
Черному Врану	31
Завѣтъ	31

	Стр.
Въ Богъ	32
Вѣщаніе	32
Зѣвадное Причастіе	33
Золотыя Зерна	34
Свѣча	34
Свѣтъ чудесный	35
Чудо	35
Безъ конца	36
Стихъ Корабельный	37
Послание къ Голубицѣ	37
Горышцы-Голуби	38
Каждый	39
Слово Божіе	39
Ангелы Небесные	39
Ключи	40
Куда же?	40
Чужимъ	41
Простые	42
Алмазъ	42
Отъ четырехъ сторонъ	43
Голубка съ Голубкомъ	43
Голубиный повадки	44
Свѣтлый Лѣсъ	45
Свадьба	45
Голубая Заутреня	46
Кошница	47
Салъ мой салъ	47
Незабудочка	49
Вѣтеръ буешъ	49
Цѣлочки	49
Лѣсная Сказка	50
На кровати	52
Сонъ	53
Прозрачность	54
Заворожилъ	54
Крутой бережокъ	55
Възла пташка	56
Жемчужина Перламутровка	57
Въ раковинѣ	58
Зѣвадая мысль	58
Вершинный сонъ	59
Ладанъ	59

	Стр.
Во Храме́ ночью	60
Тиха́я До́нь	61
Голо́съ	62
Бо́гъ живо́й. (Голуби)	63
Бо́гъ живо́й. (Герлицы)	63
А́зъ есмь Бо́гъ	64
Нѣтъ друго́го уче́нїя	64
Гра́хъ одинъ	65
Четверо́клятіе	66
Общи́ни свято́сти	67
Исхо́дь	67
Къ Стади́мъ-Ря́къ	68
Жени́хъ	69
Злато́й Ткачъ	69
Гусли́рь	70
Ба́дны́й бра́тъ	71
Хоро́води	72
Бра́тья-Сестры	73
Свѣтисъ, свѣтисъ	73
Раду́лея	74
Раскры́тые у́лья	74
Въбра́нный Во́евода	75
Савло́въ	75
Пого́ня	76
Веселы́й ро́й	76
Ца́ръ-Ду́хъ	77
Гусли	77
Верховны́й Го́сть	78
Пляска́ двухъ	79
Да	79
Раде́нїе	80
Въ та́йной горни́цѣ	81
Ты свѣти, свѣти	82
Что́ естъ свѣтлѣе?	83
Бо́жїи́ плоти́нни	83
Суди́ть Су́дбу	84
Твори́цамъъ снѣхъ са́довъ	85
Ка́къ тра́ва	86
Кора́бль	86
Волше́бный Кора́бль	87
Вѣща́нїе	88
Кора́бельщи́ки	90

Плаваніе	90
Духъ Святой	91
Трубачи	91
Единственный	92
Тоска далекихъ	93
Пророкъ	94
Ловцы	95
Вотъ	96
Слава	97
Красное Крыльцо	98
Ирмосъ	98
Три окна	99
Четыре стѣны	99
Пять свѣчь	100
Жертвенникъ	101
Хлѣбы, пшеница, вино, и елей	102
Литургія въ Литургіи	102
Первый Спасъ	103
Во Саду	104
Въ Теремъ высокому	104
Отъ Неба къ Небу	105
Заклітіе	106
Въ Чертогъ	106
Серебряный теремъ	107
Стихъ вечерній	108
Иконостасъ	109
Противогласники	109
Свѣте Тихій	110
Панагія	110
Къ Дѣвъ Маріи	111
Марѳа и Маріи	112
Въ поляхъ голубыхъ	114
Дѣла	115
Вожій дружекъ	116
Крещеніе	116
Прости	117
Изъ Лѣса въ Сады	117
Духъ нашъ	119
Прощаніе	119
Духовный Сады	120
Каждый есть Церковь	121
Четыре знака	122

Херувимская	124
На Дону	124
Моя головуха	125
Ко Престолу Красоты	125
Это будетъ	127
Струны	128
Поля блаженных	128
Жертва Божья	129
Христось Воскресе	130
Святанца	130
Вертоградъ	131
Виноградарь	132
Не забывай	133
Что горить?	134
Тамъ	135
Звѣздо zakonники	135
Нетѣльное	136
Бѣлый парусъ	136
Три иностаси	137
Разливъ вечерній	138
А что вверху?	139
Последнее видѣніе	139
Духъ Брачующій	141
Въ великомъ заревѣ	142
Древо	143
Седьмья Небеса	144
Западникій	144
Пророцество Божьихъ Людей	145
Двѣнадцатияратный	146
Осанна	147

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG	Bal'mont, Konstantin
3453	Dmitrievich
B2	Polnoe sobranie stikhov
1914a	
t.8	

